

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Драконовское
наслаждение

Анна Ольховская

Драконовское наслаждение

**Серия «Варвара Ярцева. Скорая
детективная помощь», книга 2**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874215

*Анна Ольховская. Драконовское наслаждение: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-54345-8*

Аннотация

Ярцевы давно задумывались о собственном домике в деревне, и вот их надежды наконец осуществились – у детей Варвары и Олега появились деньги, и они купили родителям дом их мечты в райском уголке: с лесом, чистейшим озером и дивной природой. Есть только один минус – по деревне ходит странное поверье, якобы в лесу в пещере обитает настоящий Змей Горыныч, который испокон веков похищает молодых девушек. Желая разобраться в странной легенде, Варвара узнает, что за последнее время в этой местности бесследно пропали множество красивых девушек. Исчезла и Варина знакомая Карина, в последний раз ее видели на престижной и пафосной вечеринке. А позже Карину нашли в том же лесу с ужасными ранами, оставленными зубами неизвестного чудовища. Теперь же жуткий доисторический монстр «прицеливается» и к самой Варваре, остальные более-

менее симпатичные селянки поспешили подальше уехать из проклятого места...

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ I	19
ГЛАВА 1	24
ГЛАВА 2	32
ГЛАВА 3	40
ГЛАВА 4	47
ГЛАВА 5	54
ГЛАВА 6	60
ГЛАВА 7	66
ГЛАВА 8	74
ГЛАВА 9	81
ГЛАВА 10	89
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Анна Ольховская

Драконовское наслаждение

ПРОЛОГ

– Доктор, ну что там? – Высокий, аристократично худой (как он себя называл, хотя прислуга между собой именovala хозяина «наш Кощей») мужчина подбежал к вышедшему из спальни рыхлому коротышке, слишком плотно упакованному в кипенно-белый медицинский халат. – Как Магдалена?

– Ваша супруга справляется великолепно, малыш тоже не капризничает, идет строго по графику, – успокаивающе улыбнулся коротышка, больше похожий на гигантский цилиндр эскимо, а не на почтенного профессора, авторитета в таинственном мире акушерства и гинекологии. – Я же обещал вам, господин Кульчицкий, что роды пройдут легко и практически безболезненно, так оно и получается пока.

– Что значит – пока? – нахмурился Кульчицкий. – Иосиф Львович, на те деньги, что я выплатил вам на протяжении всей беременности моей жены, можно виллу на Лазурном Берегу купить, поэтому я вправе ожидать наилучшего результата! Который вы, между прочим, мне гарантировали!

– Тише, тише, – поморщился профессор, – не надо так кричать. Вас услышит супруга, занервничает, а это может

осложнить роды...

– Вот только не надо заранее подготавливать себе алиби на случай неудачи! – прошипел Кульчицкий. – Я слов на ветер не бросаю, учтите. И если с Магдаленой или моим сыном случится что-то плохое, с вами произойдет то же самое!

– Да успокойтесь вы, Венцеслав Тадеушевич, – эскулап ободряюще пожал предплечье будущего папаши. – Все будет не просто хорошо – замечательно! Ваша супруга – на редкость здоровая женщина, беременность ее протекала легко, ребенок, судя по анализам и результатам УЗИ, в полном порядке, роды начались вовремя – волноваться абсолютно незачем! Ваш сын придет в этот мир здоровым и красивым, как и положено потомку столь славного рода!

– Но к чему тогда это ваше «пока»? – проворчал мужчина.

– Вот же привязались к слову, ей-богу! – усмехнулся профессор. – Да ничего...

Но закончить фразу он не успел, из спальни донесся громкий женский крик, а через секунду выглянула взволнованная женщина в униформе медсестры:

– Иосиф Львович, кажется, малыш собрался выходить!

– Да-да, иду, – заторопился доктор и повернулся к Кульчицкому: – А вы не хотите первым встретить своего сына?

– Нет уж, увольте, – брезгливо скривил верхнюю губу тот. – Все эти физиологические подробности не для меня.

– Ну, как угодно.

И профессор скрылся за дверью.

А Венцеслав Кульчицкий, потомок старинного шляхетского рода, остался перед дверью. Задумчиво посмотрел на вензеля древесины, покрытые темным лаком, невольно сравнил их с вензелями на гербе своего рода, порадовался, что его вензеля гораздо красивее и продуманнее, чем рисунки природы, и медленно направился к лестнице, ведущей вниз, в гостиную.

В самом деле, сколько можно торчать тут, он все равно ничем Магдалене не поможет. Потому что все, что от него зависело, Кульчицкий уже сделал. И теперь жене осталось только произвести на свет результат их совместного труда.

Да, труда! И скабрзные ухмылки тут ни при чем! Он, Венцеслав Кульчицкий, достойно продолжил свой род, выполнив главную заповедь, неукоснительно соблюдавшуюся всеми мужчинами их семьи: ни при каких обстоятельствах не допустить разбавления аристократической крови. Никаких бастардов на стороне, крестьяночек можно пользоваться сколько угодно, но – без последствий. Если кто все же забрюхатеет, плод подлежит уничтожению немедленно!

В жены – только потомственную аристократку, причем родословная будущей супруги проверялась с особой тщательностью. Любовь? Ну бросьте, что за глупости! Для утех всегда можно найти красотку, снять ей квартирку, заставить отрабатывать потраченные на нее средства с усердием, а семья – это совсем иное.

Это, если хотите, обязанность, долг, честь рода! А то, что

дворянских родов в Европе не так уж и много, возможно вырождение, ослабление потомства – глупости все это! Богатых родов, может, и мало, зато обедневших – хватает. И там, кстати, гораздо проще найти девицу голубых кровей, потому что нищие аристократы прекрасно понимают: единственная возможность для семьи разбогатеть – удачно выдать замуж дочь.

В общем, род Кульчицких по праву мог гордиться чистотой своей крови. Да, детей в семье было, как правило, немного, а если первым рождался сын, то им и ограничивались. А если дочь, то супруга очередного Кульчицкого рожала до тех пор, пока не родится сын, наследник, продолжатель фамилии.

До начала двадцатого века все шло просто замечательно, Кульчицкие получили графский титул, владели землями в восточной Польше, в одном из имений построили великолепный дом, больше похожий на замок, богатели, веселились, заводили интрижки, меняли любовниц, даже стрелялись на дуэли пару раз, но главную заповедь рода выполняли безоговорочно. Если не удавалось найти красивых или хотя бы хорошенек аристократок со стороны, всегда имелись представительницы своего рода – кузины, племянницы и так далее, сестер ведь тоже замуж отдавали только за чистокровных мужских особей.

Первая мировая и грянувшая следом революция разрушили привычный уклад жизни Кульчицких, земли отобрали,

поместье разорили, прадед Венцеслава, Август, едва успел вывезти жену и маленького сына в Варшаву. Но, поскольку большевики угрожали и Польше, было решено перебраться в Швейцарию. Август перевел в один из самых надежных банков Цюриха все свое состояние и, отправив семью на воды в Карловы Вары (у его жены, Ванды, были проблемы с почками), поехал в Цюрих покупать дом и обустраивать дальнейшую жизнь. И – не доехал. Его изуродованный труп нашли неподалеку от железнодорожной насыпи в двадцати милях от места назначения. Ни денег, ни часов, ни золотой цепочки с крестиком на шее – грабители сняли все. Но документы не тронули, поэтому тело было идентифицировано.

Ванда после смерти мужа намеревалась сама заняться обустройством дел, но и без того слабое здоровье окончательно подкосила нелепая гибель Августа. Через три месяца женщина умерла – отказали почки. И десятилетний Сигизмунд, будущий дед Венцеслава, остался совсем один. Но он не посрамил своего рода, доказав, что настоящий аристократ справится с любой бедой. Мальчика сначала забрала к себе родная тетка, урожденная Кульчицкая, рассчитывая наложить лапу на состояние брата. Но она так и не смогла найти бумаг Августа, ведущих к заветному счету в банке. Племянник, честно глядя на тетю большими голубыми глазами, искренне заверял, что понятия не имеет, куда мамочка подевала бумаги. А и правда, откуда десятилетнему парнишке знать?

Но он знал. И знание это пронес через Вторую мировую, через сталинские лагеря, где, кстати, и нашел себе жену, наследницу старинного эстонского рода. Марту Таанен, собственно, только за это и отправили в лагерь.

Выбраться с территории Советского Союза, на которой Сизигмунд очутился из-за тетки, до войны жившей во Львове, он так и не смог. Пришлось приспособливаться пока к жизни здесь, ни на минуту не забывая, кто ты и откуда. И что пока ты влачишь жалкое существование в Союзе, там, в швейцарском банке, лежит твоя свобода, свобода и власть рода Кульчицких.

Фанатичное соблюдение, можно сказать, поклонение своду правил своего рода Сигизмунд пронес через всю жизнь, заразив им своего сына Тадеуша. А тот, в свою очередь, Венцеслава, который смог наконец-то добраться до заветного счета в банке, когда Союз рухнул и границы открылись.

Денег оказалось много. Очень много. На них можно было безбедно жить в любом уголке планеты, ни в чем себе не отказывая. Но Венцеслав не желал вести существование трутня, он ведь Кульчицкий, а Кульчицкие никогда не были бездельниками!

И часть средств он вложил в собственный бизнес, сделав выбор в пользу бытовой химии. Беспроектный вариант, ведь всякие там стиральные порошки и чистящие средства нужны всегда, главное – грамотно выйти на рынок.

У Венцеслава все получилось, бизнес пошел, концерн

«Аврора» стал одним из крупнейших в Европе, но головной офис находился в России, в Москве, потому что только там Венцеславу было комфортно, ведь он родился и вырос в этом городе.

Вырос, кстати, довольно интересным мужчиной: высокий, тонкий (или тощий?), с длинными аристократичными пальцами, с узкими ступнями, высокий лоб с небольшими залысинами, светлые, почти белые волосы, бледно-голубые глаза и – совершенно неожиданно темные ресницы, брови, тонкие усики и изящная бородка. Порода, что тут скажешь!

Венцеславу нравилось собственное отражение в зеркале, он видел, что главное правило Кульчицких работает – он, Венцеслав, аристократ до мозга костей. И внешне, и внутренне.

И продолжить род он обязан самым наилучшим образом, тем более что уже скоро сорок, пора остепениться.

Для начала – найти подходящую жену, потомственную аристократку без примесей. Что в конце двадцатого века не очень легко, согласитесь. Нет, дворян хватает, но эта их дурацкая манера смешения кровей! Да и чего можно ожидать в мире, где даже члены королевских семей женятся и выходят замуж за простолюдинов!

Но, кто ищет, тот всегда найдет. Особенно если ты не ограничен в средствах и прикормил более чем толкового профи, бывшего агента Моссад, вылетевшего со службы за излишнюю, даже по меркам этой организации, жестокость.

Кульчицкий познакомился с Александром Дворкиным совершенно случайно, в начале лихих девяностых, когда происходил бандитский передел собственности. На Венцеслава уже дважды натравливали киллеров, но ему пока удавалось уцелеть. На этот раз решили действовать наверняка, нагло, но с гарантией – в ресторан, где обедал Кульчицкий, ворвались три типа в черных шапочках-масках, вооруженные автоматами.

Все остальное запомнилось Венцеславу, словно при замедленной перемотке видео. Он замер, не в силах пошевелиться, замороженно глядя, как поднимаются стволы автоматов. Вокруг визг, крики, кто-то шустро падает на пол, ему тоже надо туда, прижаться, притвориться ковриком, авось не попадут, вдруг получится? Но – не двинуться, тело не слушается, оно словно чужое.

«Как глупо», – шевельнула плавниками мысль где-то на периферии сознания. Бизнес, деньги, счет в банке – кому это все теперь? Родственничкам по тетушке, давным-давно испоганившим свою кровь браками с крестьянами?!

Венцеслав уже видел, как его грудь взрывается фонтанчиками крови, как он падает, некрасиво, жутко, словно сломанный манекен. Как вытекает его теоретически голубая, но на самом деле багрово-алая кровь...

Скорее всего так бы и произошло, если бы из-за столика, возле которого остановились киллеры, медленно, словно нехотя, не поднялся коренастый, абсолютно лысый мужик в

черных очках. На первый взгляд, совершенно обычный, даже невзрачный, никаких нагромождений мышц, так, серость уличная.

Вероятно, поэтому бандиты не обратили на мужика никакого внимания.

А в следующее мгновение они вообще уже ни на что не обращали внимание. Потому что мертвым все равно.

Кульчицкий, да и все остальные посетители ресторана так и не поняли, что произошло. Только что эти трое орали и собирались стрелять, а теперь – лежат грудой бездыханных тел. А типчик в черных очках брезгливо морщится, разминая пальцы.

Потом налетела доблестная милиция, скрутила лысого и уволокла с собой. Потому что отвечать должен по всей строгости закона, вот! Шо за фигня такая – троих уложить с ходу, он шо, не мог их только обездвижить, чтобы можно было потом из них информацию выбить? Ах, он гражданин Израиля? И че? Этот гражданин Израиля родился, между прочим, в славном городе Одессе, откуда вместе с родителями и уехал в конце семидесятых в свой Израиль. А теперь – добро пожаловать в Россию, срок мотать за превышение самообороны.

Но никакого срока Александр Дворкин не мотал, Кульчицкий выкупил своего спасителя и взял его к себе на работу помощником по особым поручениям.

И первым поручением, испытательным, так сказать, стал

поиск подходящей невесты для шефа. Зачем для этого суперпрофи из Моссада? А кто еще сможет собрать полное досье на претендентку? Чтобы никаких простолюдинов в анамнезе, да еще и сама девицей была настоящей, без походов на гименопластику.

Набор требований, совершенно невыполнимый в конце двадцатого века.

Для обычных людей невыполнимый, а вот Дворкин справился с задачей всего за один месяц, откопав подходящий экземпляр женской особи аж в Норвегии. Магдалена Расмуссен, прямая наследница одного из конунгов, чья семья тоже была помешана на чистоте рода.

Весьма обедневшая, надо сказать, семья. На момент знакомства с Кульчицким Магдалена работала продавщицей в кондитерской и с тоской смотрела в будущее.

А как еще можно смотреть на беспросветную серость? Ей, пра-пра-правнучке великого конунга, единственной наследнице древнего рода, торчать в этой дурацкой лавке до старости, привычно отклоняя ухаживания местного быдла. Что? Замуж за приличного парня?! Да вы с ума сошли! Ее все предки проклянут!

А ухаживаний поначалу хватало, Магдалена была весьма недурна собой. Миниатюрная, стройная, с густыми золотисто-рыжими локонами, белоснежной, плохо загорающей кожей с россыпью мелких веснушек – ее можно было бы назвать красивой, если бы не тяжелый подбородок и длинно-

ватый нос с аристократической горбинкой. Но эти недостатки девушку не особо портили, ведь в наличии имелась еще и весьма аппетитная грудь третьего размера. И узкая талия. И круглая попка.

В общем, хороша, чертовка! Но гордячка и недотрога, ни с кем гулять не хочет. Ну и ладно, найдем поговорчивее.

И к двадцати восьми годам Магдалена приобрела репутацию старой девы. Больше ее не цепляли.

Так что появление в своей жизни Венцеслава Кульчицкого Магдалена восприняла как подарок судьбы. Награду за верность принципам и идеалам рода. Да, было трудно, горько, обидно, хотелось иногда утопиться от тоски, зато теперь – богатый красивый муж, да еще и со сходными взглядами на жизнь!

Да, брак заключен по расчету, ну и что? Между прочим, в аристократических семьях только так и должно быть, главное – успешное продолжение рода, рождение здоровых детей с великолепной генетикой.

В общем, к зарождению новой жизни Кульчицкие отнеслись со всей серьезностью. Здоровый образ жизни без алкоголя и табака, прогулки на свежем воздухе, прием специальных витаминных комплексов – и буквально через два месяца Магдалена сообщила мужу радостную весть: получилось!

Само собой, никаких поездок к врачу, еще чего – передвигаться по загазованной Москве, рискуя попасть в аварию!

Всю беременность Магдалена практически не вылезала из

их загородного поместья. Именно поместья, а не дома, Кульчицкий отстроил почти точную копию фамильного замка, разрушенного большевиками, выбрав для этого уединенное место на берегу лесного озера. И не так уж далеко от Москвы, каких-то сорок километров. Зато – воздух, сосны, чудесный сад, бассейн, озеро опять же, натуральные продукты, выращиваемые здесь же – на нескольких гектарах, выкупленных Венцеславом, разместилось и подсобное хозяйство, где работали привезенные из Сибири люди. Почему из Сибири? А потому что только там, в староверческих деревнях, остались еще настоящие крестьяне, привыкшие трудиться на земле, а не водку пить с утра до вечера.

Во всяком случае, именно так считал Кульчицкий, для чего отправил в Сибирь все того же Дворкина, чтобы он нашел в тайге небольшое староверческое поселение, желательно притесняемое местной властью, и уговорил их перебраться в Подмоскowie. Дома, огороды и скотину гарантировали.

В общем, появились у Кульчицких и свои крепостные. Нет, никто людей силком работать не заставлял, они сами не желали никуда уезжать отсюда. Тихо, уединенно, барин заботится, ограждает от городской бесовщины, платит хорошо, церковь им выстроил правильную – поди плохо? Работай знай, да в барские дела не особо влезай.

И они работали не покладая рук. И на столе Кульчицких были только экологически чистые продукты.

А для наблюдения за ходом беременности Венцеслав на-

нял одного из лучших акушеров-гинекологов Москвы, профессора Либмана, попасть к которому было ох как непросто, а уж уговорить Иосифа Львовича мотаться из Москвы в поместье и обратно...

Но ничего, все получилось. Когда есть деньги, все получается, в этом Кульчицкий убеждался не один раз.

Вот, даже удалось достать рекомендованный Либманом экспериментальный препарат, разработанный во Франции. Средство чрезвычайно дефицитное, потому что гарантирует рождение ребенка с повышенными умственными способностями.

Он действительно сделал все возможное и невозможное для появления на свет идеального представителя человеческого рода, даже няньку-кормилицу из деревни подобрал. Марфа Лобова, позор семьи, сбежавшая год назад из дома в погоне за городским счастьем. Не хотела, видите ли, коров пасти и в огороде ковыряться! А кому ты еще нужна, тетеха? Грудастая, крепкая, румянец во всю щеку, голубоглазая, коса до пояса, да еще и наивная, к городской жизни не привычная.

И трех месяцев не выдержала Марфуша в городе, вернулась с плачем к батюшке с матушкой, кинулась в ноги, моля о прощении. Они и простили поначалу, пока новая беда на нос не полезла – брюхо. Нагуляла их девка байстрюка неведомо с кем, и ведь не признается, кто папаша.

Вот так и стала Марфа Лобова изгоем в деревне, даже по-

веситься хотела, но о ней узнал Дворкин, рассказал хозяину и посоветовал взять девку в дом – лучше няньки не найти. И молока будет вдоволь, Магдалене можно не беспокоиться, и преданность гарантирована.

Кстати, кажется, Марфа тоже собралась рожать, что-то ее возле обожаемой хозяйки, которую девушка действительно полюбила всем исстрадавшимся сердцем, не видно. Ну да ладно, сама справится, баба крепкая.

Главное сейчас – Магдалена и их сын. Пора бы уже и появиться Кульчицкому-младшему на свет.

И словно в ответ на мысли отца сверху, из спальни, донесся залиvistый плач новорожденного.

А через мгновение – жуткий, захлебывающийся вопль Магдалены.

ЧАСТЬ I

Пресвятый Боже, страшно-то как! Сыро, темно, дышать тяжело. И тело все болит, словно по камням тащили или... В зубастой пасти?!!

Ой-ой, не надо, Груня, даже думать не смей об этом! Матушка ведь говорила, что чудищ не бывает, что идолища поганые, языческие давно огню преданы, и, ежели примстится какое, надо молитву сотворить, и оно, идолище, в сей момент сгинет!

А она вот не успела... Потому что черничную поляну, на ягоды больно богатую, нашла. И, не желая с подружками делиться, с которыми в лес пошла, затаилась, на их ауканье не отзывалась. Потеряться не боялась, она эти леса вокруг деревни вдоль и поперек исходила.

Правда, в эту часть леса деревенские не ходили, дурной славой она пользовалась. Навроде как люди тут пропадают, в основном девки молодые из соседних деревень. Не так чтобы часто, раз в году, а то и того реже, но ведь пропадают же! А бабки с тех деревень, что живут здесь с рождения – их-то село барин целиком перевез из Сибири лет тридцать назад, так что свои бабки местных легенд и не знали раньше – бают, что где-то в лесу есть Белая Пещера, где живет Змей Горыныч. Давно живет, тыщу лет, а то и дольше. Раньше, в стародавние времена, когда Змей помоложе был,

он в страхе всю округу держал, деревни жег, баб да ребят-шек истреблял, скотину воровал. Мужики вроде пытались известить чудище, да не вышло. И тогда начали поклоняться ему, богом своим сделали. И, чтобы Змей большие деревни не разорял, каждый год ему в жертву приносили самую красивую девку. Ну, как приносили – приводили. Девку, раздетую в самые лучшие одежды, отводили к пещере, привязывали там к дереву и оставляли. А что уж с ней чудище делало – неведомо. Может, ело, а может...

Ой, даже думать про такое страшно!

А потом вроде перестали местные Змею поклоняться, истинная вера, христианская, на землю Русскую пришла. И много веков держалась, пока Никон, сын змеев, не решил веру на свой лад перекрыть. А несогласных с никонианцами притеснять стали, так что пришлось истинно верующим, коих старообрядцами называли, в тайгу уйти, скиты там обустроить. Но и там со временем достали, так что спасибо барину, Венцеславу Тадеушевичу (пока имя его заучила, немало тумачу от батюшки досталось), спас, уберег, сюда привез, оградил от мира антихристового. И не надо туда никому, вон, Марфушка Лобова сбегла когда-то, и чем закончилось? Приползла к своим родителям на брюхе. Вернее, с брюхом. И, если бы не сердце жалостливое барыни, Магдалены, быть Марфушке самой последней скотницей, всеми презираемой. А так ходит теперь важная такая, иначе как Марфой Петровной и кликать нельзя – как же, нянька

и кормилица барчука, Сигизмунда! А чего ей не быть кормилицей да нянькой – свое-то дите в родах померло, некому помочь было, в тот день барыня от бремени разрешалась, так вся дворня там была, чтобы под рукой на случай беды какой.

Но с барыней никакой беды не приключилось, родила красивого крепкого мальчонку, вот только с молоком беда – ни капли грудь не давала.

А Марфуику брюхатую, между прочим, сразу для того и брали, чтобы дите барское кормила в первую очередь. А потом уже свое.

Но свое – никто не знает, кто у Марфушки родился, сын или дочь, она ни с кем из деревни о том говорить не жалеет, даже с отцом и матерью – родилось пуповиной обмотанное, не дышал ребеночек. Окажись врач или хотя бы повитуха их деревенская рядом, может, и откачали бы ребятенка. А так – помер.

Говорят, Марфа чернее ночи первое время ходила, но потом ничего, отошла, и к сыну барскому, его выкормленному и вынянченному, так привязалась, что чисто собака за ним бегают.

Ой, стукнуло чегой-то! И шурианье, и поскребывание! И чего ее понесло в ту сторону! Ведь не зря люди про сына Змеева сказывали: мол, лежало яйцо в пещере тысячу лет, а теперь ему срок настал, и вылупился Змееныш. Видать, не зря девок Змей в пещеру таскал, потому как Змееныш

обликом на человека смахивает. Бабки, в лес этот ходившие, его видали, правда, издаля, мельком, да еще и подслеповатые они. Но все сходились в одном – Змееныш ходит на двух ногах, у него две руки, вроде человеческие, а вот голова – Змеева. Зеленая, страшная, вся в чешуе, зубищи из пасти торчат, и язык длинный-предлинный.

Матушка с бабушкой, конечно, над старухиными байками посмеивались, но в эту часть леса строго-настрого запретили ходить.

А она, Груня, не послушалась. Потому как очень хотелось всех удивить, показать, какая она добытчица, ловкая да умелая. И жена из нее хорошая выйдет, хозяйственная. Может, родители Феденьки на это внимание обратят и сватов зашлют.

А как удивишь, ежели окрестные леса все хожены-перехожены, ягоды там и не осталось почти? Вот и решила, никому не говоря, в тот лес пойти. Все равно ведь матушка говорила – нет никакого Змея, а ежели что, молитва поможет.

Вот только не успела она, Груня, молитву сотворить, сомлела от страха. А как не сомлеть, когда, услышав шорох за спиной, она, увлеченная сбором крупных, черно-фиолетовых ягод, обернулась и увидела ЕГО?!!

Все так, как бабки сказывали: руки-ноги человечесы, зеленые и гладкие, как у ящерицы, а морда...

Она помнит только, что захлебнулась от собственного

крика, в глазах потемнело, и все.

В себя пришла только здесь. А где это ЗДЕСЬ, где?!

Темно, сыро, и лежит она на чем-то неровном, твердом, как камень.

Груня трясущимися руками ощупала поверхность, на которой лежала. Точно, камень, только обтесанный, словно... пещера?!!

Белая Пещера?!!!

ГЛАВА 1

Задумалась. И если бы над глобальными проблемами бытия, о мировом кризисе или, на худой конец, о падении моральных устоев в современном обществе, так ведь нет! С самого утра пытаюсь понять, как правильно называть жителей славного города Сысерть?

Словно мне больше размышлять не о чем. А вот как раз есть над чем, их, размышлизмов, накопилось до безобразия много, на все места в голове не хватает, мозг медленно, но верно начинает закипать, угрожая снести крышку чайника.

Строительство загородного дома, сброшенное на мои хрупкие плечи свинорыльским братцем, намеченное на начало января открытие собственного кабинета психотерапии, подготовка к празднованию Нового года – это список самых крупных дел, а ведь есть еще и куча повседневных мелочей.

А я вот уже битых – хотя нет, я их не била, всего лишь доставала – полчаса бормочу себе под нос странные для постороннего уха слова. Хотя собственное ухо тоже не в восторге от «сысертяне», «сысерцы», «сысерчане», «сысцы, черт побери!» и так далее.

То ли последствия серьезной черепно-мозговой травмы сказываются, то ли мозг решил ренегатски свернуть с прямой и ровной дороги в светлое будущее на кривую проселочную веселого разгильдяйства. А вот не хочу работать –

и не буду! Надоело перенапрягаться, ты, хозяйка, наверное, забыла, как нам с тобой тяжело пришлось совсем недавно! Нам сейчас надо на берегу океана лежать и расслабляться под шум волн, а ты! Два месяца как из больницы, а уже гойцаешь по городу и окрестностям, как подстреленная!

Ну да, было дело, пришлось почти три месяца выкарабкиваться с того света, и родные мне советовали отдохнуть, и я даже послушно отправилась в один из лучших санаториев, откуда благополучно сбежала на пятый день, предварительно запугав окружающих заунывным тоскливым воем «Ску-у-у-чно!».

Потому что от ничегонеделанья на душе становилось совсем погано, кошмарные воспоминания, сопя и толкаясь, лезли в голову, мешая спать по ночам. А еще по ночам приходил он. Мартин. Во сне он был нежен и ласков, его губы, его руки и загорелая гладкая кожа в подключичной впадинке...

А потом я просыпалась. И Мартина рядом не было. Да и быть не могло, где он и где я! Мартин Пименов, один из самых молодых олигархов России, интересный во всех отношениях мужик, к тому же еще и холостой! Самый лакомый кусочек матримониального пирога Москвы, охота на Мартина не прекращалась ни днем, ни ночью.

И иногда эта охота велась абсолютно нецивилизованными методами, когда ради достижения результата проливалась кровь...

Степан Петрович Кругликов, под тонким слоем цивилизованного бизнеса которого скрывалась густая липкая грязь криминала, возжелал во что бы то ни стало женить Пименова на своей развратной дочушке Альбине. Действовал терпеливо, сплетая паутину медленно, но наверняка¹.

И в итоге добился своего – Мартин со всей дури влип в подготовленную ловушку. Заключив по пьяни пари с Кругликовым о том, что в течение года предоставит оппоненту настоящее, неподдельное фото призрака. Ну не кретинизм ли?! Это сколько ж надо было выпить, чтобы подписаться на такое!

Судя по всему, много, Степан Петрович лично подливал Мартину спирт в пиво.

А что должно было случиться, если снимка не будет?

Неужели не понятно? Свадебный марш Мендельсона, счастливая невеста, мрачный жених, слезы умиления папеньки, Степана Петровича.

Само собой, такая перспектива Пименова совсем не радовала, и он нанял одного из лучших стрингеров России, способного ради удачного кадра залезть в жерло вулкана.

Моего сводного брата Олега Ярцева.

А поскольку Олежка являл собой образчик классического разгильдяя, любителя погулять и с девочками замутить, в качестве организующей и мобилизующей силы была нанята я.

¹ См. роман Анны Ольховской «Давай не поженимся!».

Варвара Ярцева, девица двадцати восьми лет от роду, по образованию – психолог, по роду деятельности – менеджер по продажам.

Год назад в списке моих личных достижений был довольно успешный карьерный рост на крупной полиграфической фирме, автомобиль, купленный на собственные деньги, семь тысяч долларов на счету в банке, кропотливо собранные мной на открытие собственного бизнеса – частной практики психолога.

Но потом со мной случился неконтролируемый приступ бабства, когда захотелось показать коллегам по работе, какая я на самом деле.

В смысле? Да дело в моей внешности.

В школе меня один из парней, к которому я тогда неровно дышала, обозвал молью за общую бесцветность. Светло-русые волосы, заплетенные в тугую косу, светлые брови и ресницы, серые глаза, фигура обыкновенная, не самая тоненькая, с десятого класса и до сих пор ношу сорок шестой размер одежды. Что называется, пройдешь мимо и не заметишь.

Но стоит мне воспользоваться косметикой...

Что я за годы учебы в университете научилась делать с профессионализмом высококлассного стилиста, меняя собственный облик до неузнаваемости.

Но там же, в университете, я поняла, что красота и карьера – если ты не собираешься делать карьеру через постель – несовместимые вещи.

А постельный путь однозначно исключался. Да, понимаю, я несовременная дура, но относиться к сексу как к естественной физиологической потребности я не могу. Мне нужен мужчина, от одного прикосновения которого бьет током. А все мои ухажеры, которых, учитывая мои эксперименты с внешностью, было более чем достаточно, не искрили. Со всем. Нет, общаться с ними было приятно, но дальше поцелуев дело не заходило. Мне становилось скучно, и мы расставались. А на случай непонимающих человеческую речь самцов, искренне считающих, что все девушки хотят трахаться, только кривляются иногда, чтобы набить себе цену, у меня в сумке имелся электрошокер.

В общем, на работу я вышла и проходила пять лет в облике деловой бизнес-леди: ни грамма косметики на лице, кроме помады нейтральных тонов, гладко причесанные волосы, коса или туго стянутый узел на затылке, очки в изящной оправе (для усиления делового имиджа, зрение у меня нормальное), строгие деловые костюмы.

И это, между прочим, работало, начальство и заказчики ценили меня за профессионализм, абсолютно не видя во мне предмет вожделения. Никаких лапаний за коленку, двусмысленных ухмылочек, приглашений отужинать наедине.

Оклад и проценты росли, собственный бизнес становился все реальнее, я даже местечко под кабинет начала присматривать, пока мне не залетела вожа под хвост и я не решила показать, кто в офисе царица.

Шемаханская, ага.

Вожжа носила имя Виолетта, что не совсем гармонировало с фамилией Куделько, имела внушительный силиконовый бюст, носила супермини и длиннющие накладные ногти и во все не брезговала постельным вариантом карьеры.

Эта девица, недавно появившаяся на нашей фирме, успела всех основательно достать, и я решила указать сисястой тупице ее истинное место, явившись на новогодний корпоратив в полной боевой раскраске, забыв в пылу битвы, что не стоит провоцировать мужчин, особенно если это начальство, если не собираешься продолжать...

Да и девица оказалась не такой тупой, как прикидывалась.

И ровно через неделю после корпоратива сидела Варька, как та старуха из сказки Пушкина, у разбитого корыта. Ни работы, ни машины, ни счета в банке.

А не фиг претендовать на место владычицы морской!

И именно тогда в моей жизни появился Мартин Пименов, предложивший работу с немислимым вознаграждением – сто тысяч долларов мне и триста тысяч моему брату – и забравший, как бы банально это ни звучало, мое сердце.

Я, дипломированный психолог, способный препарировать и вывернуть наизнанку любое чувство, объяснив пациенту, где прячется истинная причина его проблем, с первого взгляда, с первого звука голоса втрескалась в этого высокого худощавого мужчину, словно девятиклассница в Диму Билана.

И с той же вероятностью взаимности.

И вовсе не потому, что отправилась на встречу с будущим работодателем в безопасном образе серой мышки, нет.

Просто... голубые глаза Мартина Пименова могли заморозить кого угодно, в них давно уже не было ни тепла, ни нежности, ни ласки. Нет, он вовсе не был расчетливым мерзавцем, понятия чести, долга и ответственности не являлись для Пименова пустым звуком, но вот с чувствами дела обстояли совсем плохо.

Насколько мне было известно, Мартин вышел из самых низов общества, его родители пили, отец по пьянке убил мать, Мартин с тремя младшими сестрами и братом попали в детский дом, где прошли настоящую школу выживания. Выжили. Только сестры и брат остались в том болоте, а Мартин не захотел.

И стал тем, кем стал. Растеряв по пути веру в искренность чувств, но сохранив порядочность и внутренний стержень.

И хотя мы с Олегом так и не смогли предоставить Мартину фото призрака, но благодаря нам пари не состоялось. Правда, мой брат чуть не сел в тюрьму за убийство, которого не совершал, а меня едва не забили до смерти...

Но цель была достигнута, угроза брака с общемосковской давалкой миновала, и Мартин честно выполнил обязательства, правда, слегка изменив их – нам с братом было положено на счет по двести тысяч долларов каждому.

А меня лечили в самых лучших клиниках Швейцарии и

Москвы, причем все счета оплачивал Пименов.

Вот только ни разу не пришел навестить...

ГЛАВА 2

Хотя нет, вру, один раз Мартин все же пришел. Там, в Швейцарии, на следующий день после того, как меня почти убили.

Олег, не отходивший от реанимационного блока, в котором я лежала, рассказывал мне об этом визите.

Мартин в сопровождении главврача клиники стремительно прошел мимо моего брата, даже не заметив его, открыл дверь в палату, увидел кокон из гипса и бинтов, подключенный к навороченной медицинской аппаратуре, побледнел до синевы, с шумом втянул воздух и, не сказав ни слова, ушел.

А меня в тот же день вертолетом переправили из маленького городка Глион в лучшую клинику Женевы.

В общем, откупился Мартин Игоревич деньгами. Ну и ладно, ну и пусть, зато теперь наконец я смогу заниматься своим делом, работать только на себя и ни от кого не зависеть.

А еще мы с Олегом решили вместе построить загородный дом для нашей семьи, просторный, с большим участком, и чтобы озеро какое-нибудь неподалеку было, обязательно рыбное, и лес, и люди нормальные, не фанаберистые обитатели коттеджных поселков, а простые, обычные сельчане рядом жили.

Потому что дом в первую очередь предназначался для на-

ших родителей.

Мамы Ларисы и папы Коли.

Мама была моя, а папа – Олежкин. То есть наши родители встретились, когда у папы Коли уже был сын, а я как раз собиралась появиться на свет. И от нас никогда не скрывали сей факт, но при чем тут кровное родство? У меня был самый лучший, самый добрый, самый заботливый отец в мире, а еще – самый преданный, готовый за меня порвать любого обидчика в лохмотья брат.

А уж как мамуся любила Олежку! В детстве, особенно в период бесконечных разборок и драк с братом, я даже ревновала немного маму, мне казалось, что меня она любит меньше.

И даже выкрикнула это сгоряча однажды, в пылу ссоры.

Мамуся обняла меня, вырывающуюся и сопящую от обиды, крепко-прекрепко, и тихо спросила:

– Варенька, а вот скажи, ты, когда палец поранишь, тебе больно?

– Конечно!

– А какой палец больнее резать – большой, указательный или, может, мизинчик?

– Мам, ну ты что? – возмутилась я. – Одинаково больно ведь!

– Вот так и мне одинаково больно, если с вами что-то случается.

В общем, больше я брата не ревновала.

И, кстати, никогда не воспринимала его иначе, хотя по крови мы чужие друг другу, а братишка мой вырос в настоящего мачо: высокий, стройный, густые черные волосы всегда стильно подстрижены, большие карие глаза с пушистыми длинными ресницами, улыбка чеширского кота, ровная смуглая кожа. Сплошное женское горе.

Наверное, поэтому Олег Ярцев, один из самых востребованных и высокооплачиваемых фотографов, до сих пор жил в однушке в одном из спальных районов Москвы, доставшейся ему после размена трехкомнатной квартиры родителей. У меня, кстати, была похожая, только в другом районе.

Учитывая размеры гонораров, Олежка давно уже мог перебраться из окраинной однухи ближе к центру, но мой брат был вдохновенным шалопаем и классическим разгильдяем, и все свои деньги спускал на очередную кошечку, мгновенно исчезающую из его жизни, как только гонорар заканчивался.

И в тридцать один год Олежка все еще бегал в холостяках. Хотя нет, бегал он в кроссовках, передвигаться с холостяком на каждой ноге не очень удобно. А вот жениться так и не собрался пока.

И заветная мечта наших родителей – внуки – по-прежнему таяла в полупрозрачной дымке. Сын – разгильдяй и бабник, дочь заиклена на карьере, ни о чем другом и думать не хочет, откуда тут внукам взяться?

Вот мы с Олежкой и решили порадовать маму с папой хотя бы новым домом. Домом, а не дачей, потому что дача у

нас уже была – старенький деревенский домик, купленный папой Колей четверть века назад.

Все наши летние каникулы проходили на даче, там было здорово, и отсутствие элементарных удобств никого не смущало. Есть будка на заднем дворе, колонка с водой в конце улицы, небольшая банька на участке – чего еще-то?

А то, что домик крохотный, разделенный на две комнатухи, мы не замечали.

Пока были детьми.

Но чем старше становились, тем реже приезжали на дачу. Только одна дата была, как правило, неизменной для всеобщего сбора – мой день рождения, 7 января. В этот день мы всегда собирались в нашем домишке, жарили шашлыки, запускали фейерверки, катались на санках, играли в снежки. Было здорово, в общем.

Кстати, в этом году мы снова соберемся там, на нашей старенькой дачке, в последний раз перед ее продажей.

Потому что новый дом стоит пока без отделки, а еще... В этом неказистом домике прошло все наше детство, молодость наших родителей. Это было наше семейное гнездышко, если хотите.

Сначала мы решили не продавать дачу, пусть остается, на память. Но ведь дом – это не памятник, без хозяйских рук он ветшает, скучает, умирает...

И мы нашли ему новых хозяев, молодую семью с двумя детьми, пусть все повторится в жизни нашего домика, пусть

он снова помолодеет!

Вот отпразднуем мой день рождения и отдадим ключи.

Но я отвлеклась.

В общем, впервые в жизни мой брат решил не растренывать деньги на очередную кобылку, а потратить их с толком.

И мы отправились на поиски подходящего участка. Ну, чтобы озеро, лес, никаких коттеджных поселков, обычные люди вокруг. К тому же желательно не очень далеко от Москвы, чтобы мы с братом могли почаще навещать наших родителей. Да и мама с папой с работы уходить пока не собирались, мамуле ведь всего сорок шесть лет. Она меня в восемнадцать родила. Да и отцу еще нет шестидесяти, чего им дома торчать?

Оказалось, что наши требования все вместе практически невыполнимы. Все мало-мальски пригодные для жилья окрестности Москвы были густо засижены теми самыми коттеджными поселками. А уж если рядом имелся хоть какой-нибудь водоем, да еще с рыбами, да еще и лес рядом!

В общем, мало того, что там в обязательном порядке обустроился соответствующий поселочек, так и цена на участок была такой, что мы с нашей, казавшейся поначалу просто гигантской, суммой, могли рассчитывать разве что на крохотный уголок земли, построить на котором можно было только домик кума Тыквы из сказки про Чиполлино.

Нет, и речку, и лес, и деревеньку рядом, и участок по приемлемой цене найти было можно, вот только километрах в

двухстах от Москвы.

Пришлось обратиться к услугам риелторов, хотя поначалу хотели обойтись без их помощи, наслушавшись баек об их жадности, коварстве и наглости. Глазом моргнуть не успеешь, как окажешься без копейки денег и без жилья.

Успеешь. Если моргать не одним глазом, а всеми, имеющимися в наличии, причем третий глаз в данном случае приветствуется.

Потому что, прежде чем заключать договор с риелторским агентством, не мешает собрать всю имеющуюся информацию об этом агентстве, о его репутации, посмотреть в Интернете отзывы. А еще – не жадничать, пытаясь найти агента подешевле, желание и рыбку съесть, и на люстре покачаться и приводит обычно к тем печальным последствиям, о которых говорится в городских легендах о гадких риелторах.

То агентство, с которым мы в итоге заключили договор, обладало безупречной репутацией, о поддержании которой руководство заботилось всерьез. И, соответственно, к выполнению условий договора относилось с максимальной ответственностью.

Максим, наш личный, так сказать, риелтор, выслушав перечень наших пожеланий по поводу участка, тяжело вздохнул и почесал затылок:

– М-да, задали вы задачку.

– А будь она проще, мы бы и сами справились, – улыбнулся Олег. – Думаете, мы не искали? Но ничего не нашли, по-

этому и решили обратиться к профессионалам.

– И правильно сделали, – пробормотал Максим, углубившись в базу данных своего компьютера. – Думаю, мы сможем найти подходящий вариант.

И ведь нашел же! Правда, недели через две, но нашел. Причем место оказалось просто сказочным, и не только из-за чудесного озера, соснового бора, небольшой деревушки с приветливыми людьми, но там еще и замок имелся!

Небольшой, похожий на старинные польские замки типа Радзивилловского, окруженный высокой каменной оградой, этот замок находился километрах в десяти от деревушки, в которой и был выставлен на продажу ветхий дом с большущим участком.

И, что самое потрясающее, вся эта красотень находилась всего в сорока километрах от Москвы!

– В чем подвох? – чуть ли не хором спросили мы с братом, когда Максим рассказал о своей находке. – Почему в столь прекрасном месте до сих не построили коттеджное царство?

– Потому что почти вся пригодная для строительства земля находится в частной собственности владельца поместья, Венцеслава Кульчицкого.

– Как? – приподнял брови Олег. – Венцеслава?

– Да. Миллионер, между прочим, владелец концерна «Аврора».

– Того самого, с порошками и шампунями?

– Да.

– Ни фиги себе! – присвистнул брат. – Так это же европейский бренд, я думал, владелец где-то в Европе.

– Нет, головной офис здесь, в Москве. А живет он в собственном поместье, причем настоящем, с крепостными.

– С кем? – не удержалась от изумленного кваканья я.

– Ну, не совсем крепостными, силком там никого не держат, но, говорят, почти тридцать лет назад Кульчицкий перевез из Сибири деревню староверов, их там местные власти притесняли, выстроил для них церковь, дома, купил скотину, защищает, платит хорошие деньги за работу и продукты, и все жители деревни за барины горой.

– Так вы нам предлагаете в крепостной деревне дом строить? У староверов?

– Нет, что вы, они к себе чужаков не пускают. Та деревенька, о которой идет речь, находится на другом краю соснового бора, ближе к цивилизации, так сказать.

– Но она-то не стоит на земле Кульчицкого, так почему до нее до сих пор не добрались?

– Потому что деревня слишком маленькая, чтобы на ее месте можно было посадить нормальный современный поселок. А желающих, как вы, жить в обычном селе совсем не много, большинству нужны статусные соседи.

– Там хотя бы электричество есть? – капнул скепсисом Олег. – Или при лучине сидят?

– Обижа-а-а-ете! – улыбнулся риелтор.

ГЛАВА 3

В общем, купили мы тот участок, причем по более чем приемлемой цене – почти на треть дешевле, чем запрашивал владелец. И вовсе не потому, что мы с братом профессионалы торга, нам, как это ни странно, помогли местные жители. Вернее, жительница. Наша будущая соседка.

Хотя и я, и Олежка были настроены заплатить требуемую сумму прямо сейчас, здесь, не торгуясь, хоть чуточку, хоть задаточек, лишь бы застолбить за собой это чудо.

Настоящее чудо, в которое мы влюбились с первого взгляда.

Во-первых, сама деревенька. Каких-то пять километров от федеральной трассы – и словно в другой мир попал. Тишина, слышно, как птицы поют. Дома аккуратные, ни одной полуразвалившейся избы, с затейливо раскрашенными ставнями и наличниками, с крепкими заборами, дворы большие, чистые, никаких завалов ихлама, никаких гор мусора. В деревне всего одна улица, домов на тридцать, не больше, но есть и магазинчик, и фельдшерский пункт. И мобильная сеть здесь работает, так что проблем со связью быть не должно. По словам нашего риелтора, пьянства особого здесь нет, поскольку почти все местные работают на ближайшем кирпичном заводе, куда их отвозит и привозит обратно служебный автобус. Платят на заводе хорошо, деньги не задерживают,

поэтому работники за место держатся и пить не рискуют. Хватило пары случаев, когда появившихся на рабочем месте в состоянии «после вчерашнего плюс опохмел» владелец завода уволил в тот же день.

Так что соседи у нас предполагались трезвые и работающие.

Во-вторых, сам участок. Дом с заколоченными ставнями мы даже не осматривали, видно было, что здесь давно никто не живет. Но вот участок!

Это было именно то, о чем я всегда мечтала, – большой и тенистый сад. Да, мы приехали сюда поздней осенью, когда деревья и кусты стыдливо пытались прикрыть ветками свою наготу. Но и так было видно, как же хорошо здесь весной и летом! Густые заросли жасмина и сирени, высокие, крепкие яблони, сливы, груши, вишни – весной, когда все зацветет, здесь настоящий рай! Есть место и для бани, и для цветника, и для грядок (если мама захочет, хотя раньше я в ней особой тяги к огородничеству не замечала), и для летней веранды с мангалом.

Судя по сияющим глазам брата, ему здесь тоже нравилось. Продавец, невысокий кряжистый мужчина лет пятидесяти, все время, пока Максим водил нас по участку, молча ходил следом, нервно кхекая и периодически вытирая пот со лба стиснутой в руке кепкой. Хотя погода в ноябре обильному потоотделению вряд ли способствует.

А когда Олег произнес сакральное для любого продавца:

«Ну что же, нам, в принципе, нравится», мужик шумно выдохнул и облегченно улыбнулся.

И в этот момент со стороны калитки раздался пронзительный женский голос, очень похожий на сорочий стрекот:

– Ну что, Петрович, вижу, нашел-таки покупателей на свою развалюху?

Мужик вздрогнул, шепотом выругался и повернулся навстречу уже семенившей по двору женщине:

– А тебе что за дело, Матрена? Тебя что, звал кто-то? Чего заявила?

– А того, – подбоченилась худенькая невысокая бабулька, напоминая сороку не только голосом, но и длинным острым носом и круглыми черными глазками, и немного скошенным подбородком. – Хочу узнать, ты всю правду про нашу деревню рассказал? Не обманывашь людей? Да еще таких симпатичных! Вы муж и жена, да?

– Нет, мы брат и сестра, – сверкнул белозубой улыбкой Олег. – Меня зовут Олег, а ее – Варя. А вы, если я правильно понял, наша будущая соседка?

– Ой, какие милые молодые люди! – всплеснула руками бабулька. – Да, я живу во-о-он в том доме, – взмах руки в сторону дома напротив. – Звать-величать меня Матреной Ивановной, я тутошняя, родилась в Низовке и помру тутюка.

– Так о какой-такой правде вы нам хотели рассказать, Матрена Ивановна? – решил вмешаться Максим, мгновенно почувствовавший возможность снизить цену.

– Да не слушайте вы ее! – прогудел продавец, нахмутив кустистые брови. – Матрена у нас вместо кина, всякие байки по деревне разносит, а бабы с ребятенками и уши развешивают!

– И ниче не байки! – возмутилась старушка. – Я сама видела!

– Ну че ты видела, че?

– Змея Горыныча!

– Кого?! – Брови Олега пружинками подпрыгнули вверх.

– Ну, не самого Змея, а сына евоного. Страшный такой, весь в чешуе, хотя облика человеческого. Видать, не зря в сказках говорилось, что Змей Горыныч молодых девок в свою пещеру уносил. Он их, горемычных, не ел, оказывается, он их...

– Хватит, Матрена! – гаркнул продавец и повернулся к нам. – Ну, понимаете теперь, о чем я? Змея Горыныча она видела! А леших и кикимор?

– Леших не видела, и кикимор тоже, – надменно поджала губы бабулька. – Тут врать не буду, сизмальства не приучена. А чудище, на ящера похожее, самолично энтим летом, когда в лес по ягоды ходила, встретила. Оно на дереве сидело и на меня пялилось. Ох, страшное! Я как заору, оно как с дерева сиганет – и на меня! Я и сомлела, на землю повалилась. Очнулась – нет никого, убег. Потому што старая я, а ему девки молодые нужны.

– Матрена, да угомонись ты! – Мужик сморщился, словно

от зубной боли. – Перед людьми стыдно, они из-за тебя дом покупать не захочут, скажут – зачем нам рядом с чокнутой жить.

– Ну что вы, – мягко улыбнулся Олег, пряча в уголках глаз смешинку. – Это даже забавно – Змей Горыныч! Прямо как в детство вернулся.

– И ниче не забавно! – топнула ногой бабулька. – А та машина пустая на берегу озера? В которой, как мне потом наш участковый сказывал, две девушки позагорать приехали? Москвички, студентки, из хороших семей. И – нету девчат. Только одежда ихняя на берегу. Куда делися? А?!

– Да утопли они! – Продавец закатил глаза к небу и нетерпеливо кашлянул: – Ну так че, дом покупать будете? А то мне недосуг тут старушечьи байки слушать.

– Утопли?! – перешла на фальцет Матрена. – Старушечьи байки?! Да вы пойдите у участкового нашенского спросите, у Михал Семеныча! Отец одной из девушек большой шишкой в Москве оказался, он сюда толпу водолазов нагнал, все дно прочесали, до последнего камушка – нетути! Не нашли там девчаточек. А потому и не нашли, что их Змей Горыныч в свое подземелье утащил и глумится сейчас над ними, над бедняжечками! А может, уже и нет их в живых, ведь, почитай, больше трех месяцев прошло!

– Все понятно, – вежливо улыбнулся Максим. – Спасибо вам большое, Матрена Ивановна, за информацию. Подскажите, как нам вашего участкового найти?

– Семеныча-то? Дак навроде в райцентр уехал с утра на своей тарахтелке. Хотя, может, и вернулся уже, я не знаю.

– На какой тарахтелке? – уточнила я (после всех этих разговоров о Змее Горыныче мне почему-то представилось, что участковый в таком сказочном месте – замок, Змей Горыныч – должен передвигаться либо на печи, либо на метле с гидроусилителем руля).

– Да на мотоцикле своем, – махнула ладошкой бабулька. – Трешшит, гад такой, на всю Низовку! И дым черный да вонючий так и преть, так и преть!

– А где живет ваш участковый?

– Так недалеко, через четыре дома отсюда, по этой стороне. Давайте провожу.

– Ну зачем это все? – досадливо скривился продавец. – Неужели вы верите в рассказы про Змея Горыныча?

– Да нет, хотелось бы информацию о пропавших девушках узнать из первых, так сказать, рук, – сухо ответил Максим. – Сами понимаете, кто же захочет селиться в месте, где люди пропадают?

– Ну почему сразу «люди»!

– А что, девушки, по-вашему, не люди? – немедленно оскорбилась я.

– Да я не в этом смысле! – снова вспотел мужик. – Я имею в виду, что всего один раз такое и случилось за все время, ни до этого случая, ни после ничего подобного не происходило. Ну да, пропали девицы, так ведь и тел их не нашли! А может,

они сбежать решили из дому таким заковыристым образом?

— Ага, конечно, сбежать! — снова пошла в атаку бабулька. — Говорю вам, Змей Горыныч их утащил! Вы по соседним деревням походите, порасспрашивайте, там вам расскажут, что, почитай, кажинный год то тут, то там девка пропадает. Уходит в лес по ягоды или по грибы и не возвращается. И косточек даже ихних не находят!

— Так ведь не только девки пропадают! — взревел хозяин участка. — И бабки тоже, и дедки! Места-то какие — лес на много километров! А по телевизору показывают — не только в наших местах, по всей России люди в лесу теряются! И что, всех Змей Горыныч утаскивает?!!

Ну, Змей не Змей, а благодаря милейшей Матрене Ивановне участок мы купили на треть дешевле, Максим не упустил возможности. За что, кстати, и получил больше оговоренного.

И стройка началась.

ГЛАВА 4

Кстати, родителям участок тоже очень понравился. Мамуся мгновенно перезнакомилась почти со всеми будущими соседями, а вездесущая Матрена Ивановна так прониклась ко всей нашей семье, что решила взять персональную опеку над городскими несмышленишками. Хотя мамика и папу Колю довольно трудно причислить к этому подвиду рода человеческого, они-то как раз в сельской жизни были очень даже смышленишками, ведь тот домик, с которым мы собирались прощаться через две недели, папа Коля восстановил из абсолютной развалюхи собственными руками. И баньку сам строил, и вообще он у нас рукастый. Нет, руки у папса нормальной длины, и ладони вовсе не похожи на лопаты для чистки снега, просто он относится к той довольно редкой сейчас категории мужчин, у которой они, руки, растут из нужного места. Мамуле не пришлось, как большинству современных женщин, осваивать навыки электрика, сантехника, слесаря и плотника (а заодно и автомеханика), у нас в доме ничего не капало, не отваливалось, не искрило и не болталось на соплях. Ножи были всегда заточенными, старенький папин «жигуленок» бодрячком бегал по дорогам Москвы, а мы с мамулей охотно признавали себя неумехами в мужских делах.

Но Матрена Ивановна все равно считала, что без ее опеки

новые соседи обязательно натворят «всяких глупостей», и с энтузиазмом принялась за дело.

Для начала установила тотальный контроль над нанятыми нами строителями. Мы ведь не могли постоянно находиться на участке, да и мотаться каждый день туда-сюда было накладно. Поэтому мы полностью доверились прорабу нанятой бригады.

Впрочем, полностью вовсе не означает, что мы (вернее, я, поскольку братец как раз ускакал на очередные фотосъемки, ведь гонорар от Пименова должен был уйти на новый дом, а жить на что-то надо) прекраснодушно вручили прорабу картбланш в виде пластиковой карточки банковского счета. Фигвам, изба такая индейская.

Я приезжала на стройку раз в неделю, оценивала движуху, придирчиво осматривала сделанное, требовала с прораба чеки на закупленные стройматериалы, сравнивала расход этих материалов с реальным (специально для этого консультировалась с архитектором, делавшим проект нашего дома), тут же, на месте, через мобильный интернет проверяла стоимость стройматериалов – в общем, контроль все же был. Но обычный, без фанатизма, поскольку бригаду мы наняли по рекомендациям, ребята работали на совесть, строили быстро и качественно.

А самое главное – с юмором относились к тотальному контролю со стороны нашей бабулениции. Матрена Ивановна ежедневно являлась на стройку, совала свой остренький но-

сик во все углы, и, если ей казалось, что «вот тутoka криво кирпичи поклали, а енто че за дырищи в рамах?!», с клеко-том налетала на прораба и требовала «не валять ваньку, а делом заниматься!».

И не отставала, пока наш Семеныч, пряча улыбку в густых усищах, не шел вместе с добровольным представителем стройнадзора к месту «мирихлюндии».

Хотя вполне возможно, что лояльное отношение строителей к вьедливой бабушке объяснялось тем, что Матрена Ивановна с пустыми руками на участок не приходила. То пирожочков тепленьких с картошкой и грибами принесет, то творожка домашнего, то блинков целую горку.

Одинокая она была, наша Матрена Ивановна. Дед ее умер пять лет назад, а единственный сын, военный, служил на Дальнем Востоке. Вернее, уже не служил, давно вышел в отставку, но там, во Владивостоке, у него была квартира, там он привык за много лет и переезжать поближе к матери не хотел. Нет, он вовсе не забыл о Матрене Ивановне, звонил ей часто, письма присылал, открытки, деньги, хотел даже забрать мать к себе, но бабулька отказалась. Она ведь тутошняя.

А тут мы всем кагалом. И Матрена Ивановна потянулась к нам, можно сказать, усыновила.

Не знаю, то ли ее контроль с пирожками помогал, то ли просто бригада оправдывала свою репутацию, но на сегодняшний день, за неделю до Нового года, наш дом уже сто-

ял на участке, подмигивая тусклому зимнему солнышку новенькими стеклопакетами и кокетливо прикрывшись черепичной шляпкой. Так что никакие снегопады и оттепели ему были не страшны, и ребята могли спокойно вести внутренние работы. Обещали закончить стройку к весне. Может, и к 8 Марта успеют.

А я тем временем готовилась к открытию своего кабинета психологической помощи, причем помещение удалось найти в элитном медицинском центре, клиентами которого были многие VIP-персоны. К тому же арендная плата оказалась весьма умеренной, и я, если честно, до сих пор не знаю – мне просто повезло или кто-то мне помог?

Конечно, очень хотелось, чтобы оказался именно «кто-то», но он исчез из моей жизни. Хотя с Олегом, насколько мне было известно, отношения поддерживал, они созванивались, пару раз вместе ходили на скачки. Без меня...

Нет, ну а чего ты хотела, Варька? Ты же постоянно мелькала перед Мартином в весьма «сексапильном» образе моли, иногда еще и зареванная, с распухшим носом и узкими глазками-щелочками. А последнее ваше свидание вообще было суперским – ты в коконе из бинтов и гипса, а те участки тела, что остались открытыми, отливают всеми оттенками фиолетового и багрового. По-твоему, что, Пименов зомбофил?

Так что если Мартин и помог мне, то исключительно по просьбе Олежки. И вообще, пора прекратить морочить себе голову и выть по ночам на луну, мужчина твоей мечты НИ-

КОГДА не станет твоим.

Потому что у него этот, как его, а... вспомнила – гранитный камушек в груди. И вообще, возле нашего олигархуси вот уже больше года толчется постоянная любовница, длинноногая грудастая модель Линда Стар, в миру – Лидка Старченко. Красивая девица, ничего не скажешь, 90-60-90, и, само собой, блондинка.

Что? Ты покрасивей будешь, когда накрасишься? А поздно, поезд ушел. Тебя больше не хотят видеть, и на общих мероприятиях вы не пересекаетесь, потому что общих мероприятий у одного из обитателей списка «Форбс» и начинающего психолога быть не может.

Могла бы попросить брата взять меня на ипподром? Вот еще! Лично меня не приглашали, а навязываться не хочу. У нас, у молей бесцветных, тоже гордость имеется, да-с.

В общем, поразить Мартина своей офигительной – когда надо – внешностью у меня не было ни единого шанса. Да и зачем? Он же не Кай, его поцелуем не разморозишь. Судя по всему, Пименов замерз очень давно, еще в детстве, а за годы восхождения на бизнес-Олимп покрылся и чувствонепробиваемой броней. Потому что чувства мешают бизнесу, у человека появляется уязвимое место, в которое можно нанести удар.

Все, Варька, хватит рефлексировать и томно вздыхать, у тебя что, дел мало? Все подарки к Новому году уже закупила? Последние бумаги, необходимые для открытия свое-

го бизнеса, у чиновников забрала? В конце концов, тот о-о-очень симпатичный ярко-голубой свитерок, который делает твои светло-серые глаза синими, в ЦУМе купила? Что значит – зачем он тебе? А день рождения на даче? Ты ведь каждый раз покупаешь себе к этому мероприятию какую-нибудь обновку: то комплект из шапочки и рукавичек, то пестрый шарф, то меховую жилетку, то угли, а вот теперь настала очередь пушистого теплого свитера.

Потому что нельзя ведь день рождения постоянно отмечать в одном и том же, верно? И если я не могу блистать в платьях в этот день, то буду блистать в угах и новом свитере.

Так, вроде собралась. Джинсы, куртка, рюкзачок с документами на машину...

Ой, чуть не забыла похвастаться – я ведь машину купила! Мою радость по этому поводу поймет только тот, кто привык передвигаться по городу на своем авто. И дело вовсе не в понтах и не в скорости (между прочим, по Москве на метро будет гораздо быстрее, особенно если в центр надо). Просто...

Машина – это твое личное пространство. Там нет воняющих потом сограждан, там тебя никто не толкает, никто не хамит, там тяжеленные сумки лежат в багажнике, а не оттягивают тебе руки до колен, там все обустроено по твоему вкусу, у меня, например, засилье плюшевых игрушек на заднем сиденье.

Что выглядело бы довольно необычно, учитывая, что я ку-

пила себе внедорожник, но, поскольку стекла в моем «Пежо-3008» тонированы, никому мои плюшки не мешают. И нездорового интереса не привлекают.

Кстати, никогда не думала, что куплю себе внедорожник, всегда относилась к этим громоздким коробкам со скепсисом. Эдакие brutальные монстры на дорогах, к тому же высокие, на шпильках и в короткой юбке карабкаться неудобно.

Пока не увидела в салоне «Пежо» это белоснежное чудо. Оказывается, внедорожник может быть элегантным. И чуточку надменным. И очень красивым. И надежным. И послушным. И...

Впрочем, хватит воспевать хвалебную оду моему авто, ехать пора.

ГЛАВА 5

Вот и прибежал, запыхавшись и хватаясь за сердце, мой очередной день рождения. Мог бы и не спешить особо, между прочим, его никто не торопил. Это только в детстве праздник подарков, пирогов и гостей ждешь с нетерпением, а время тянется гадски медленно.

А сейчас... Сегодня мне по макушечке стукнет последнее из возможных число с такой симпатичной циферкой 2 в начале. Двадцать девять лет...

Да все я понимаю – расцвет и все такое, вот только почему так мало радости в душе? Почему так получилось, что к этой дате у меня нет ни семьи, ни друзей, настоящих, верных?

Хорошо, хорошо, семья у меня есть – мамусь, папа Коля, Олежка – но весь мой мир сосредоточен только в ней! Самая близкая, самая задушевная подруга – мама, лучший в мире друг и защитник – брат, самый преданный и заботливый мужчина – папа Коля.

И все, собственно.

Нет, приятелей и знакомых у меня больше чем достаточно, человек я компанейский, угрюмой гримзой в углу не сижу, но вот желания сблизиться с кем-нибудь у меня не возникло ни разу. Я до сих пор держу дистанцию с людьми и как психолог прекрасно понимаю, отчего так происходит.

Собственно, все наши проблемы и комплексы тянутся из

детства, и чем старше становится человек, тем сильнее натягивается эта нить, и тем болезненнее прикосновение к ней.

В школе у меня, как и у всех, были подружки, и среди них самая лучшая, самая задушевная, с которой мы дружили еще с детского садика, – Лена Хомякова. Очень симпатичная девчушка, между прочим, особенно выигрышно смотревшаяся на моем белесом фоне: кареглазая, с вьющимися каштановыми волосами, с чернящими и длиннющими ресницами, с тоненькими, словно угольком нарисованными, бровками.

Не думаю, что еще там, в детском саду, Леночка осознала этот контраст и именно поэтому выбрала меня в подружки, вряд ли. Просто наши кровати стояли рядом, мы часто шептались весь тихий час напролет, за что постоянно получали от воспитательницы, играли вместе, ходили в одной паре на прогулки. А потом, когда попали в один класс, где пока никто никого не знал, потянулись друг к другу, сели за одну парту и просидели так до окончания школы.

Я искренне любила Лену, считала ее своей сестрой, делилась с ней переживаниями, мы вместе делали уроки, вернее, я делала, а Лена списывала. Ну и что, мне не жалко, это ведь Ленуська, моя самая лучшая подружка. Мы вместе сбегали с уроков, вместе дрались с мальчишками, вместе ходили на горку зимой и в парк весной.

И даже когда в старших классах Лена Хомякова превратилась в самую красивую девочку школы, за которой бегали все мальчишки, мое отношение к ней не изменилось. Я по-

прежнему считала Ленуську самой лучшей в мире подружкой, которая никогда не предаст, всегда протянет руку помощи...

А потом случилось то, что случилось. Меня при всех оскорбил первый красавчик школы, Олег Свистунов, наша восходящая звезда экрана. Этот смазливый парнишка в четырнадцать лет снялся в одном из сериалов, где сыграл сына главного героя. И превратился в самого популярного парня в школе.

А меня угораздило влюбиться в этого хлыща. И на одной из школьных дискотек я обнаглела настолько, что посмела пригласить САМОГО Свистунова на белый танец!

И получила по полной.

До сих пор помню этот кошмар: я, растерянная и униженная, стою посреди зала, обтекаю, а вокруг хохочущие, нет – ржущие физиономии моих одноклассников, они с удовольствием повторяют издевательские слова школьного супергероя, и никто, ни один человек не пожелал наказать хама...

И громче всех, презрительно щуря глаза, смеялась Лена. В общем, с тех пор у меня нет близких друзей.

Хотя Хомякова довольно долго потом пыталась наладить отношения, искренне недоумевая, чего я дуюсь. Ну подумаешь, пошутили над ней!

Вот только я из-за этой «шутки» едва не совершила самый кретинский поступок в своей жизни. Вены резать надумала, идиотка малолетняя!

Но все обошлось. Правда, Олежка все же объяснил весьма доступным языком своему тезке, что так поступать с девушками некрасиво, и Свистунов еще долго сиял фиолетовым фуфелом под глазом и гадостей в мой адрес больше не говорил. Мы с ним дружно игнорировали друг друга.

Тогда же мама научила меня пользоваться косметикой, но в школу я в новом облике не пришла ни разу. А зачем? Я уже все знала о своих одноклассниках, и дешевая популярность была мне ни к чему. И желание «всем доказать» тоже отсутствовало напрочь – было бы кому доказывать.

В университете у нас была дружная группа, мы везде и всюду таскались вместе, хватало и очень славных девчонок, но...

Со всеми у меня были и остались очень ровные, приятельские отношения, мы до сих пор иногда созваниваемся, встречаемся в какой-нибудь кафешке, болтаем «за жизнь», но свои беды, как, впрочем, и свои радости я доверяю только маме, отцу, брату. Хотя нет, все-все я не доверяю никому.

Во всяком случае, мое отношение к Мартину прикопано в самом дальнем уголке души, куда доступ открыт только мне.

И от этого болит еще сильнее.

Ведь беда, разделенная с другом, – это полбеды, а радость, разделенная с другом, – двойная радость.

М-да, Варька, эк тебя на депрессию повело! Нашла время! Посмотри, как здорово на улице! Еще два дня назад в Москве шел нудный, противный снег с дождем, солнце натя-

нуло на голову грязно-серое облачное одеяло и простуженно сопело под ним, погрузив город в тусклый сумрак.

А сегодня – ты только посмотри!

Сразу вспоминается наше все, А.С. Пушкин с его вдолбленной во все школьные головы нетленкой «Мороз и солнце, день чудесный...».

И голубые небеса есть, и великолепные ковры снега, и чудесные сугробы в нашем дворе. Папа Коля с утра лопатой шоркает, двор чистит к празднику. Мамуся на кухне хлопочет, снова готовит на целый взвод, хотя нас будет только четверо.

Впрочем, почему «только» – целых четверо! Ведь Олежка обещал быть, Новый год он с нами не встречал, подцепив очередную фифулю, за что и был подвергнут суровой обструкции со стороны родителей.

Проще говоря, трехлитровую клизму получил.

Потому что после пережитых в прошлом уже году ужасов, когда по очереди едва не отправились на тот свет сначала Олежка, а потом я, мама с папой хотят нас видеть как можно чаще. А уж о семейных праздниках и речи быть не может – только все вместе, за одним столом, с непременно мамусиными кулинарными шедеврами и, само собой, яблочным пирогом с корицей. Наш семейный, фирменный рецепт, превращающий незамысловатую выпечку в «пальчики оближешь».

Вот и сейчас по всему дому (а сколько там всего дома –

две комнатухи!) плывет, вальяжно хлопая ладошками по воздуху, аромат яблок и корицы. Он проникает в душу, прогоняя прочь хандру и уныние, желание кукситься и вспоминать обиды отправляется следом, и сердце замирает от предвкушения праздника.

Да, я заранее знаю, как все будет – вручение подарков, застолье, потом игра в снежки на дворе, катание на санках, потом снова за стол, чай с пирогом дегустировать, потом мамуся с папой Колей песни петь будут, у них очень душевно получается, особенно «Старый клен», потом фейерверки пускать будем – но именно это и греет душу, потому что это и есть семья. Дом. Традиции.

– Варюха! – это папа Коля увидел меня в окошке. – Проснулась, засоня? С днем рождения!

– Спасибо, пап, – в носу защекотало, пришлось два раза сурово шмыгнуть.

Меня сегодня еще не раз поздравлять будут, не хлопать же носом каждый раз! Так и разреветься от избытка чувств можно, я вообще последнее время барышня слишком слезливая стала. Ну ничего, скоро вернем спокойную и невозмутимую Варвару Николавну, прекрасного специалиста в области психологии.

А пока – умыться, заплести косу (да-да, я полностью оправдываю свое имя, я «Варвара-краса – длинная коса») и надеть тот самый голубой свитерок, все-таки купленный в ЦУМе.

ГЛАВА 6

Этот свинтус, этот бессовестный обормот – мой брат – опять куда-то запропастился! На столе давно уже теснятся, толкаясь краями и ревниво заглядывая друг дружке в брюшко, тарелки с разнообразнейшими закусками: салатами, фаршированными яйцами, заливным языком, тарталетками, корзиночками и прочая, и прочая. В печке томится фаршированный антоновкой гусик, папа Коля мрачно поглядывает на принесенные со двора бутылки с градусом, такие холодненькие после сугроба, такие соблазнительные. Они ведь нагреваются, а этот паразит где-то застрял! Придется, видимо, снова заталкивать водочку и вино в сугроб.

– Ларочка, ты звонила Олегу? – Удивляюсь терпению мамуси, папа Коля задает этот вопрос каждые пять минут, уподобившись ослу из мультика «Шрек», без конца спрашивавшего: «Мы уже приехали?»

– Сейчас кто-то получит полотенцем по лбу! – ага, мамусино терпение все же конечно. – Я же при тебе набирала номер этого бессовестного разгильдяя – он недоступен. Вот же выросла орясина!

– Прости, кто?

– Что – кто?

– Кто вырос? Или орясина – это что? Даже представить не могу, что означает сей термин. У меня почему-то он ассоци-

ируется со словом «ряса». Следовательно, орясиной должна быть какая-нибудь оборочка по краю рясы, верно? И что, наш парень похож на оборочку?

– Сам ты оборочка! – не удержалась от улыбки мамуля. Да, папа Коля у нас мастер по уводу разговора в совершенно другую сторону, просто Иван Сусанин. – Поясняю для особо темных и читающих только спортивную колонку в газетах типов – орясиной в народе называют здоровенную дубину, а сравнение человека с этим предметом означает, друг мой, особь высоченную, но бестолковую. То есть нашего с тобой сына, увы.

– Между прочим, я не только спортивную колонку читаю, – проворчал папик. – Я еще и в телепрограмму заглядываю. А насчет нашего парня ты права – дубина он и есть. Все, хватит ждать, гусь перетомится, водка нагреется и вообще – пора Варюху поздравлять, а то не успеем весь перечень мероприятий выполнить! Доча, иди сюда, синеглазка наша! Отец речь толкать будет!

Синеглазкой меня папа Коля с самого утра зовет, как только увидел в новом свитере. Хорошо все-таки, что я его купила, наплевав на заоблачную цену. Мало того, что он невероятно уютный, мягкий и теплый, он еще и очень красивый, и я в нем не такая бесцветная, как обычно. Особенно мне понравилось мое отражение после того, как я вернулась со двора, где мы вместе с папой обустраивали крепость для будущего снежного сражения. Из зеркала на меня смотрела ро-

зовощекая синеглазая девушка с ямочкой на щеке (появляется, когда я улыбаюсь), с пушистой (растрепалась немного после возни) толстой косой, с алыми губами – и вовсе ей не двадцать девять, а всего лишь двадцать. Даже мои светлые реснички и бровки общего впечатления не очень портили.

В общем, не красавица, но симпатяшка.

Но, к сожалению, буквально через двадцать минут бурлящая после мороза кровь успокоилась, вернулась к плавному течению, унося вниз по реке и румянец, и алые губы.

Зато глаза обесцветить она не смогла, свитер не позволил. И синеглазкой я временно могла называться по праву.

Разговор родителей я слышала из девочкиной комнаты – а как иначе разделить две комнатухи на четверых взрослых, только на девочкину и мальчикову, – где пыталась вернуть опрятный вид своей прическе. Но просто пригладить не получилось, а полностью переплестать эту фиготень не хотелось. Уж больно муторное дело, волос много, они постоянно норовят запутаться, провоцируя меня на кардинальные меры – ножницы.

Если честно, мне моя коса ужасно надоела, очень хочется носить хотя бы полудлинные волосы, до плеч или чуть ниже, а иногда тянет на экстремально короткую стрижку – это ж сколько времени по утрам освободится, а экономия на шампунях какая!

Но – жалко, если честно. Столько растила, да и когда я с помощью косметики меняю облик, водопад волос более чем

уместен.

А вот в повседневной жизни совсем не уместен. Водопад волос. Сама терпеть не могу, когда в метро или автобусе рядом стоит девица с распущенными волосенками. Мало того, что ее пакля цепляется ко всем пассажирам, так она еще и шипит злобно, если кто-то дернет случайно за прядь. Но особенно противно, когда в давке меня прижимает вплотную к такой красотуле – а вдруг у нее вши, еще перескочат!

– Варенька! – это уже мама. – Иди сюда, солнышко, мы тебя ждем! Начнем без Олега, пусть потом объедки догрызает.

Я в последний раз заглянула в зеркало: там отражалась все та же растрепуха, вместо гладко причесанной головы – небрежное нечто с выбившимися прядями. А, между прочим, очень даже ничего получилось, словно я не во дворе со снегом возилась, а два часа просидела в кресле модного стилиста. От влаги мои волосы начинают слегка виться, что, собственно, и произошло.

А в остальном – снова та же бесцветная моль. Ну и ладно.

– Иду! – предупреждая протрубила я и направилась к двери.

Мама и папа уже ждали меня, лица радостные, глаза сияют, в руках – красочно упакованные свертки и коробки, папа Коля еще и умудряется букет цветов удерживать.

Хорошие мои!

У нас не принято откладывать подарки в сторону, мы обычно тут же, на месте потрошим упаковку, потому что не

терпится посмотреть, что там.

И я с удовольствием зашуршала бумагой, причем так увлеклась, что не услышала, как скрипнула входная дверь.

Поэтому радостный ор над самым ухом спровоцировал меня на впечатляющий подпрыг, а еще я выронила мягонькие кожаные перчатки, один из мамусиных подарков:

– С днем рождения, Варварша!

Это он. Братец мой замечательный. Только в его арсенале имеются подобные прозвища, Олежке скучно называть людей привычными именами.

А злобная орясина (правильно его мама назвала) уже подхватила меня на руки и закружила по комнате:

– Варька! Поздравляю! Любви тебе, сестренка, удачи и счастья!

– Пусти! – Я изо всех сил пыталась свести брови в суровую черту, но совершенно невозможно это сделать, когда в носу и горле уже щекочет смех. – Положи, где взял!

– И верно, сынок, – мама уже смеется, – ты бы поосторожнее, а то стол сметешь со всей моей готовкой.

– Ни за что! – Олежка поставил наконец меня на пол, чмокнул в нос и радостно потер руки, оглядывая толпившиеся разносолы: – Я не для того с утра ничего не ел, место оставлял, чтобы такую красоту на пол метать. Я харчи обычно по назначению отправляю, в пузеч.

– Эй, сынок, – нахмурился папа Коля, медленно обходя сына, – а что-то я не вижу подарков поблизости. Ни в руках,

ни на полу. Это как понимать?

– А что, – Олежка сложил губы обиженной скобочкой, – без подарков меня не накормят? Сам по себе я уже никому не нужен? Я, между прочим, ради семьи из такой компании сбежал! Банкиры всякие, издатели, нефтяные и всякие другие олигархи, а какие красотишки там были, вы бы видели! А блюда подавали – французская кухня, изысканнейшие деликатесы, м-м-м! Но я променял все это великолепие на праздник нашей Варюхи, а вы...

– Подумаешь, подвиг – от лягушачьих лапок и улиток сбежать к маминым вкусняшкам! – фыркнула я. – Ладно, балабол, пошли к столу, мы все проголодались, пока тебя ждали.

– Варька, ты что? – усмехнулся брат. – Действительно поверила, что я мог прийти сегодня с пустыми руками? Мы не такие!

– Мы? – приподняла бровь я. – Ты что, свою фифу притащил?

– Фифу? – хмыкнул Олежка. – Ну, не совсем, хотя... В общем, искренне надеюсь, что этому гостю вы будете рады. Мартин, заходи!

Что?!!

ГЛАВА 7

Вцепившись друг другу в волосы и отчаянно вереща, во мне боролись два желания – немедленно убежать наверх, дабы хоть немножко раскрасить физиономию, и треснуть брата по лбу чем-нибудь тяжелым. Поленом, к примеру, вон, возле печки лежит. Ну что за самодеятельность, честное слово! Неужели нельзя было позвонить и предупредить?!!

Рука уже потянулась к полену, но осуществить победившее в нелегкой трехсекундной борьбе желание не удалось.

Потому что дверь широко распахнулась и в дом втиснулась огромная корзина цветов. Безумно красивая, она прекрасно осознавала производимое впечатление, и поэтому, хрустя прозрачным целлофановым платьем, старалась полностью прикрыть своего носильщика. Пусть все думают, что она сама плывет по воздуху!

Сердце икнуло и упало в обморок, оставив меня отдуваться в одиночестве. Нет, ну дуть на вошедшего с криком «Сгинь, нечистая сила!» я не собиралась, конечно, но общее онемение конечностей и анабиоз мозга имели место быть.

Пик ступора произошел тогда, когда из-за букета выглянул наконец Мартин. За те несколько месяцев, что мы не виделись, он стал еще лучше.

Впрочем, это просто я по нему соскучилась очень. Потому что на самом деле мужчина моей мечты ничуть не изменил-

ся: высокий, худощавый, но не тощий, видно, что походами в спортзал он не пренебрегает, очень коротко подстриженные пепельные волосы, светло-голубые льдинки глаз, немного кривоватый, явно не единожды сломанный нос, черты лица нельзя назвать классическими, но в целом Мартин Пименов являл собой именно тот типаж, который мне всегда нравился. Просто квинтэссенция типажа. Никакой смазливости, но бездна мужской привлекательности. Особенно эти твердые властные губы, которые так хочется поцеловать...

Варвара! Немедленно прекрати! Срочно реанимируй превратившийся в розовый кисель мозг и веди себя прилично, пока никто не заметил твоего кретинизма. Тем более что Мартин уже что-то говорит.

Нацепив на лицо первую попавшуюся улыбку (надеюсь, не из арсенала довольной лошади), я судорожно заметалась по сознанию в поисках кнопки «ВКЛ». Ага, вот, нашла.

– ...без предупреждения, – ох, и голос тот же – бархатный, низкий. Простудился бы, что ли, осип или охрип, хоть какое-то послабление для моей нервной системы. А Мартин, с сомнением поглядывая на меня (улыбка моя, похоже, получилась слегка олигофренической), продолжил свой спич, обращенный, как оказалось, к моим родителям: – Я собирался прислать эти цветы посыльным, но ваш сын уговорил меня поздравить Варю лично. Тем более что я очень многим обязан вашей дочери. Вы не смущайтесь, я сейчас уеду, вот только вручу цветы.

– Господи, ну что вы за ерунду говорите, Мартин Игоревич! – всплеснула руками мама.

– Просто Мартин, если можно.

– Мартин, голубчик, мы вам очень рады! – Мамуся не умеет притворяться, все ее чувства и эмоции обычно ласково жмурятся на лице и в глазах, и сейчас было видно, что она действительно рада гостю. – Мы бы лично пригласили вас, но и подумать не могли, что вас заинтересует столь скромный праздник. Домик у нас сами видите какой, с удобствами во дворе, еда и напитки тоже самые обычные, домашние...

– Вот именно, домашние, – улыбнулся Мартин. – Я уже сто лет не был на обычном домашнем празднике, без пафоса, без смокингов, вечерних платьев и бриллиантов, без вызывающих оскомину французских вин, которые принято пить на подобных мероприятиях, без устриц и фуа-гра, и, самое главное, без фальшивых улыбок и речей...

– Вот именно с такой скукотищи я и умыкнул Мартина, – встрял Олег. – Между прочим, с его собственного дня рождения, вот.

– Как? – Брови папы Коли изумленно подпрыгнули. – У вас тоже сегодня день рождения?

– Да, вот такое интересное совпадение, – усмехнулся Мартин и повернулся наконец ко мне: – Прошу прощения, Варя, что не поздравил сразу. Это вам, – он протянул мне упакованное в целлофан чудо. – С днем рождения!

– Спасибо. – Это очень хорошо, что ты отвлекся на объ-

яснения с моими, я хоть смогла пинками вернуть к исполнению обязанностей слух, речь и, самое главное, разум. И паралич лицевых мышц, выдаваемый мной поначалу за улыбку, превратился в нормальную, человеческую. Во всяком случае, недоумение исчезло из глаз Мартина. – Очень красивые цветы. Ой, – я чуть не выронила корзину, оказавшуюся довольно тяжелой, – пап, поставь их куда-нибудь.

– Но чтобы видно было! – немедленно засуетилась мамуся. – На стол не получится, места мало. Давай-ка...

Они с папой занялись поиском достойного места для красоти, и напряжение, звеневшее в доме после появления неожиданного гостя, расслабленно отправилось курить во двор. Уж не знаю, что оно там выкурило – бамбук или камыш – но обратно оно так и не вернулось.

Потому что мне вдруг стало совершенно безразлично отсутствие боевой раскраски на физиономии, тем более что с макияжем играть в снежки довольно рискованно – засандалят в лицо, и будет там сплошной сюр.

И вообще, любят не за красоту, вот. Нечего на смазливое личико клевать, ты душу девичью узнай!

Ага, опять переключило на дешевый пафос. Ты еще общий день рождения за знак судьбы прими, клуша романтическая! И тогда следующий этап – ночи напролет над каким-нибудь сиропным романчиком из серии «Страсть под солнцем».

Нет уж, я лучше фантастику или детективы на сон грядущий.

щий напушу, тогда он, сон, пригрядет приключенческий.

В общем, я вдруг в одно мгновение успокоилась и пустила в душу радость. Наполнившую меня пузырящимся, как шампанское, счастьем.

Ведь это настоящее чудо – Мартин пришел ко мне на день рождения, сбежав с собственного! И, между прочим, бросив там свою грудастую Линду.

В носу опять защипало. Да что ж за напасть такая со мной творится! Надо срочно заняться аутотренингом, снова стать спокойной и невозмутимой.

Но это потом, а пока...

Буду пузыриться, главное – не взлететь к потолку.

Вдруг обнаружилось, что Мартина в комнате нет. Как нет и моего брата. Но расстроиться я не успела, потому что через мгновение дверь снова распахнулась, и мужчины внесли в дом... лимонное деревце.

Настоящее, в большом керамическом горшке, судя по их сопению, очень тяжелом. Деревце было метра полтора высотой, по-весеннему зеленое, с кокетливо проглядывающими сквозь листву солнечно-желтыми лимончиками.

– Это просто чудо какое-то! – мама осторожно погладила нежные листочки. – Варенька, посмотри! За окном снега по пояс, а у нас настоящее лето! А пахнет как! Вот закроешь глаза – и словно где-нибудь на берегу Средиземного моря оказался. В Италии или Испании! Какие вы молодцы, ребята!

– Это не я, это Мартин все придумал! – Олежка у нас за справедливость. – Когда мы сбежали с его дня рождения, заехали в магазин цветов корзину заказать, и там он увидел это. Причем оно не продавалось, интерьерный, так сказать, экземпляр. Но если господин Пименов чего-то захочет, он это получает. И – вуаля!

– Варя, а вы что же молчите? – улыбнулся Мартин. – Вам не нравится?

– Нравится. – Я не молчу, я ждала, чтобы комок из горла убрался и дал мне говорить. – Очень нравится! Оно такое... живое. И солнечное. И летом пахнет. Спасибо вам, – ну вот, слезы все же капнули, но я успела стратегически спрятать лицо в густой кроне деревца, где поспешно вытерла глаза листиком. И едва не высадила себе глаз. – Ой, что это?

– Мой подарок, – напыжился Олежка. – Настоящий «Шопард», золотые.

– «Шопард»? – я осторожно сняла с ветки висевшие там изящные часики. – Господи, Олежка, да они же сумасшедше дорогие!

– Зато красивые, – расплылся в довольной улыбке брат. – Виолка, как увидела их, чуть слюной не затекла, потребовала их ей отдать. А когда я отказался – хвост трубой и усвистала.

– Виолка, как я понимаю, твоя последняя пассия?

– Типун тебе на язык! Не последняя, а недавняя. И вообще, не слышу слов благодарности!

– Спасибо-спасибо-спасибо! – Я обняла брата и чмокнула

его в щеку, растрепав при этом тщательно уложенную гриву. – Ты самый лучший брат на свете!

– Да, я такой, – излишняя скромность никогда не была в списке недостатков Олега Ярцева. – Кстати, сестренка, ты еще не все плоды с веток сняла.

– В смысле?

– А ты присмотрись. Во-о-он, недалеко от той ветки, где часы были.

Во-о-он, недалеко от той ветки, где часы были, сверкало и переливалось кольцо. Обалденно красивое, я такие только на фото в журналах видела, из белых и черных бриллиантов.

– Оле-е-ег, – я с трудом уговорила норовившие выскочить из орбит глаза оставаться на месте, – ты что, банк ограбил?

– При чем тут банк?

– Но тогда откуда у тебя столько денег?!

– А это не от меня, это от Мартина.

– С днем рождения, Варя, – тихо произнес мужчина моей мечты, снимая кольцо с ветки. – Надеюсь, следующий год принесет вам только радость и счастье. Позвольте, я помогу вам надеть.

– Простите, – говорить было трудно, придушенное бабство верещало и норовило цапнуть кольцо жадными ручонками, но я справилась. Потому что так нельзя. – Я не могу принять это.

– Вам не нравится? – искренне удивился Мартин.

– Ну как такая красота может не нравиться! Но оно... Мар-

тин, поймите, это слишком дорогой подарок! Я не возьму, извините. Цветы и вот это чудесное деревце – именно то, что надо. Спасибо вам за них огромное.

– Но...

– Все, ребятки, хватит спорить, – вмешалась мамуся. – Мартин, Варя права, это слишком дорогой подарок. Вы его спрячьте и давайте-ка к столу. Кстати, а вы не хотите переодеться? Если уж пришли на домашний праздник – долой смокинг и бабочку!

– Да мне не во что, – сухо проговорил Мартин, явно обиженный моим отказом.

– Ничего, возьмите вещи Олега, думаю, они вам подойдут.

Очень даже подошли. В пушистом свитере и джинсах Мартин стал таким домашним, таким уютным, таким... по-прежнему холодным.

Но постепенно лед в его глазах начал оттаивать. А во время снежкового сражения сдержанный и пафосный олигарх окончательно превратился в хохочущего мальчишку.

Потом он вместе с мамой и папой пел песни, потом уминал за обе щеки пирог, вкусно прихлебывая его чаем и жмурясь от удовольствия, потом прыгал и кричал «ура» во время фейерверка.

Нормальный, веселый, компанейский мужик с теплыми сияющими глазами...

ГЛАВА 8

– ...представляете?!

Ох ты, опять отвлеклась, погрузившись с головой в воспоминания о своем самом лучшем дне рождения. Ведь больше трех месяцев уже прошло, может, хватит? Тем более что с тех пор господин Пименов больше не объявлялся. Потешил себя олигархушка простонародной экзотикой и вернулся к своим устрицам и Линде Стар, вон, на каком-то приеме по случаю 8 Марта с ней засветился на многочисленных фото, таблоиды все чаще упоминают о возможной свадьбе самого завидного жениха России с известной моделью. Ведь ни с кем еще Мартин Пименов не имел столь долгих отношений!

Ну и пусть имеет дальше. И отношения, и...

Варвара, не пошли! Лучше заткни свои эмоции куда подальше и сосредоточься на клиентке, она, между прочим, к тебе уже месяц ходит, перешла точеными ножками в разряд постоянных, а таких пока немного.

Но они есть. Всего два месяца прошло, как я начала работу психолога, а ко мне уже пять человек приходят еженедельно. Ну а то, что контингент довольно однообразный – в основном мающиеся от безделья жены богатеньких мужей, – так мне, в принципе, все равно.

Тем более что работать с ними гораздо легче, чем с теми, у кого реальные психологические проблемы, ведь в большин-

стве случаев «кошмар, кошмар, кошмар!» этих дамочек надуманный.

Но данная конкретная девушка, во время беседы с которой я так бессовестно отвлеклась, пока ничьей женой не являлась, но очень стремилась к этому. Прямо как Линда Стар...

Варька, прекрати! Это, в конце концов, непрофессионально – проецировать на клиентов собственные эмоции и чувства! Да, она тоже модель, и высокая, и грудь такая же силиконовая, и блондинка, и низкий лобик не обезображен мыслительными морщинками, и в больших зеленовато-серых глазах не блещут искорки интеллекта, ну и что?

Карина Эшли (интересно, а она знает, что Эшли – просто одно из женских имен, а не фамилия?), по паспорту – Екатерина Сиволапова, фотомодель и актриса (клипы и рекламные ролики) являлась постоянной клиенткой того медицинского центра, где я открыла свой кабинет.

Девушка вовсе не была больна, она в медицинском центре пользовалась в основном услугами косметолога (уколы ботокса), пластического хирурга (грудь) и стоматолога (белоснежная искусственная улыбка).

А когда узнала, что в центре появился и психолог, немедленно записалась на прием. Это ведь так гламурно – иметь тонкую душевную организацию, не выдерживающую жестокости реального мира! Можно в разговорах с подругами или потенциальными спонсорами томно вздыхать и ронять меж-

ду прочим: «Мой психотерапевт советует мне не замыкаться в себе, на своей боли...»

Круто.

И Карина стала моей постоянной клиенткой, хотя никаких комплексов или проблем у девушки нет. Она абсолютно уверена в убойности своей внешности, ведь благодаря ей (ну и отсутствию комплексов, конечно) она из Катьки Сиволаповой превратилась в Карину Эшли, имеет собственную, пусть и однокомнатную, но зато возле метро, квартиру, машину, часто снимается для журналов, в рекламе, в клипах – в общем, блондинка в шоколаде.

Одна проблема – папики возле девушки долго не задерживаются, а уж замуж вообще никто из них не звал.

Вот с этой «проблемой» она и ходит теперь ко мне. И оплачивает по довольно высокому тарифу возможность выговориться на эту тему. Потому что с подругами Карина боится быть до конца откровенной, они ведь тоже на охоте:

Ходят по планете
Девушки в короне,
Глаза-губы в цвете,
Бюсты в силиконе.
Вице-Мисс Субботы,
Девушка Апреля,
Подиумы, фото,
Слава на неделю.
Надо все и сразу —

Деньги, лимузины,
Тело на продажу,
Сердце в магазине.
Томный взгляд, улыбка —
Дама на охоте.
Допустил ошибку
И застрял в болоте.
Бедный парень,
Ты поверил
Сказочке той древней.
Нет, не станет
С поцелуем
Жаба королевой.

Правда, с бедными парнями Карина и ее подружки предпочитали не связываться, если только так, для развлечения, чтобы хоть немного отвлечься от трудной пахоты на постельной ниве у очередного пузатого и противного папика.

Потому что интересные во всех отношениях мужчины на Карину пока не клевали, и она почти на каждом сеансе выносила мне мозг нытьем по поводу «этой мартышки Линды». Вот же повезло девке — такого мужика отхватила! Самого Пименова! И почти два года уже удерживает, он ей и шубку подарил роскошную, и брюликами обвешал, и на курорты два раза в год возит! Может, еще и женится, Линда очень надеется, что удастся залететь от Мартина, тогда точно женится! Или хотя бы ребеночка обеспечивать будет по полной

программе! Обидно, честное слово, ну чем она лучше меня? Почему мне достаются дряблые лысые мужчинки с потными лапами, а она заполучила такого классного самца!

И так далее, и тому подобное.

Моя нервная система уже на третьем сеансе Карины начала сбоить, мне все труднее было удерживать на лице внимательно-сочувствующее выражение, хотелось подойти к лежащей на удобной кушетке девице и вылить ей на голову кофе. Или хотя бы приглушить звук подушкой.

«Линда, Линда, Мартин, Линда...»

Но приходилось слушать и улыбаться как можно душевнее, кивать, изредка вставлять ожидаемые реплики – в общем, отрабатывать немалый гонорар.

И у меня, судя по всему, получалось неплохо, во всяком случае, Карина уверяла, что уходит после наших бесед душевно обновленная, оставив на кушетке накопившийся негатив.

Вот только отключаться во время этих «бесед» я стала все чаще. Видимо, подсознание, не выдержав подобного издевательства, приняло меры для защиты. И когда снова упоминалось неприятное мне имя, меня отправляли в астрал. Побродить там, повспоминать что-либо приятственное, а не наматывать нервы на кулак.

Главное – кивать иногда и внимательное выражение не сменить на глуповато-мечтательное.

Но сегодня я, похоже, убрела слишком далеко и упустила

что-то важное, потому что Карина вдруг села и недовольно нахмурилась:

– Варвара Николаевна, вы меня что, не слушаете совсем? За что я вам деньги плачу, интересно?

– Простите, Карина, – мягко улыбнулась я и слегка поморщилась, массируя виски. – Я действительно упустила нить беседы, голова просто раскалывается от боли. По большому счету, мне следовало бы отменить сегодня наш сеанс, но я надеялась, что после приема лекарства все пройдет. Увы, не случилось.

– Мигрень? – заинтересовалась девушка. – Я слышала, что эта штука накрывает внезапно и никакие лекарства не помогают, надо просто переждать.

– Все правильно, Кариночка, – тяжело вздохнула я. – Гадость ужасная! Вы меня извините, пожалуйста, что так получилось.

– Да ладно, бывает, – отмахнулась та. – Но платить за сегодняшний сеанс я не буду.

– Разумеется.

– А когда мне прийти снова?

– Как обычно, через неделю.

– Но мне поздно через неделю, мне срочно надо!

– Что именно вам надо? – несколько офонарела я.

– Ну как же! Ваша помощь, ваш совет! Я же рассказывала! Ах, ну да, мигрень, – досадливо поморщилась Карина. – Варвара Николаевна, я приду завтра, и мне все равно, есть у

вас время или нет. Раз уж я зря потратила время сегодня, вы обязаны принять меня вне очереди!

– Ну хорошо, – я открыла свой ежедневник с записями. – Посмотрю, кого можно перенести, на завтра все расписано. – Ну, если честно, пока не все, но это никого не касается. – Та-а-ак, похоже, придется отдать вам мой обеденный перерыв, ничего не поделаешь, моя вина.

– Вот именно, – поджала лицевой силикон Карина. – Так во сколько мне приходиться?

– В двенадцать.

– Хорошо, буду. И надеюсь, к этому времени ваша мигрень пройдет.

– Я ее очень попрошу, – вежливо улыбнулась я, пнув под столом себя в левую лодыжку.

Намеревавшуюся прицельно засандалить... хотя нет, в моем случае – затуфлить точнехонько в задний бампер гламурной гримзы.

А туфлями швырять в платежеспособных клиентов – не комильфо.

ГЛАВА 9

Больше в этот день я старалась не отвлекаться, и все остальные дамы ушли довольными.

Оставив весьма симпатичную кучку дензнаков.

Собственный бизнес, о котором я так долго мечтала, ради которого впахивала больше пяти лет, наплевав на личную жизнь – как оказалось, совершенно напрасно, результатом той пахоты было старое разбитое корыто – развивался более чем успешно. Медицинский центр посещали в основном пресыщенные барышни, страшно обрадовавшиеся новому развлечению – беседам с психологом. Очередь ко мне, конечно, не стояла, но будущее переливалось всеми цветами радуги.

Материальное будущее.

Ну и ладно, и это очень здорово, потому что в прошлом году я насиделась без работы, клянча деньги у родителей. А теперь я могу помогать им, и позволить себе многое, и вообще – мне нравятся не собственно деньги, а та свобода, которую они дают. Материальная независимость.

Обладая которой, гораздо увереннее чувствуешь себя в отношениях с мужчиной. Ты сама в состоянии обеспечить и себя и своего ребенка, если супруг внезапно превратится в членистоногого. И не надо терпеть унижения, выпрашивать копеечку на продукты и одежду, предоставлять все че-

ки, дабы отчитаться за потраченные деньги.

Кстати, среди моих постоянных клиенток есть одна такая, находящаяся под ежедневным прессингом со стороны дражайшего супруга.

История, в общем-то, банальная – когда-то вместе выбивались из нищеты, женщина крутилась как могла, распределяя полкилограмма фарша на неделю на семью из четырех человек (у них двое детей, девочка и мальчик). Муж сначала мотался челноком, пропадая неделями, и иногда оставленные им деньги заканчивались раньше, чем он возвращался. Женщина находилась тогда в декретном отпуске, только-только родился младший сынишка. И чтобы купить хоть что-то для детей – молоко, крупу, – приходилось мыть и сдавать в аптеку баночки из-под детского питания. И бутылки, найденные на улице, которые еще не умыкнули ушлые бомжи.

Но она не жаловалась, просто жила, веря в своего мужа.

И через семь лет уже поселилась в собственном доме в одном из престижных коттеджных поселков Подмосковья. И в самой Москве у них была шикарная квартира, и машину ей муж купил. Не новую, но надежную, чтобы жена детей в школу возила.

А вот насчет всяких там фитнес-центров и салонов красоты – ни-ни. Зачем, ты и так хороша, дорогая.

Когда дети подросли, женщина решила выйти на работу, но муж взвился – как это? А кто будет готовить ему свежий

обед? Кто будет забирать детей из школы и возить их в кружки и секции? Что, домработницу нанимать? И гувернантку?! Да ты с ума сошла! Дома сиди и не выпендривайся!

Она и сидела. И, краснея от унижения, просила у продавцов в магазине чеки за купленные продукты. И убирала, готовила, занималась с детьми, в общем, стала домработницей-гувернанткой-шофером-репетитором в одном лице.

Огромная экономия в семейном бюджете, верно?

Правда, на здоровье жены супруг не сэкономил, ведь это непрактично – если она вдруг заболит, придется кого-то нанимать, деньги тратить не только на лечение, но и на быт.

И женщина посещала именно тот медицинский центр, в котором я открыла свой кабинет. И была пока единственной клиенткой, после сеанса с которой я чувствовала себя выжатой досуха, опустошенной морально и физически.

Потому что серьезная, настоящая работа психолога, когда ты реально помогаешь человеку, – тяжелый труд. И если бы таких клиенток у меня было много, не знаю, сколько бы я выдержала.

Хотя нет, все равно выдержала бы. Потому что не хочу оказаться на их месте.

А пока – радуйся своему легкому успеху, Варька!

И забудь наконец этого Мартина, вычеркни его из своей жизни. В конце концов, клин поищи. Тот самый, который другой клин вышибает.

Где искать? А где угодно, вон, с братом напросись на ка-

кую-нибудь тусовку, хватит дома торчать по вечерам. Бизнес пошел ровно, первые ухабы преодолены успешно, можно и личной жизнью заняться.

Все, решено – как только Олежка вернется из очередной поездки, сяду к нему на хвост. И расчехлю, кстати, законсервированное до поры до времени оружие – косметику.

Потому что на работу я ходила так же, как и раньше, – строгий костюм, гладко причесанные и собранные в тяжелый узел волосы, очки в изящной оправе, губная помада натурального оттенка – вот, собственно, и все.

Потому что красотке все мои дамы исповедоваться не станут.

Карина никогда не приходила вовремя, не изменила принципам и на следующий день, осчастливив мой кабинет не в двенадцать, а в пятнадцать минут первого.

– Ну что? – не поздоровавшись, капризно произнесла она. – Как вы сегодня, в состоянии работать нормально? Или я опять напрасно потратила свое время?

– Здравствуйте, Карина, – вежливо улыбнулась я, – проходите, устраивайтесь поудобнее. Я вас внимательно слушаю.

– Вот и отлично, – оживилась мадемуазель Сиволапова-Эшли. – Значит, так. У меня появился реальный шанс утереть этой дуре Линде нос, и я не хочу его упустить. Для этого мне нужна ваша помощь.

– Я вас внимательно слушаю.

– Да не слушать надо, а действовать!

– Простите?

– Бли-и-ин, я все время забываю, что вы вчера чуркой с глазами были, а не психологом!

Ах ты моя золотая, как же Катька Сиволапова из тебя прет!

– Ладно, начну сначала. – Девушка улеглась на кушетку, поерзала там, затем села и, закинув ногу за ногу, продолжила дозволенные речи: – Тут вот какое дело. В прошлое воскресенье я была на презентации новой книги Снежаны Гробски, очень закрытое мероприятие намечалось, мне с трудом удалось достать пригласительный.

– Простите, а почему презентация книги вдруг стала закрытым мероприятием, ведь, насколько я понимаю, цель презентации – привлечь внимание как можно большего количества читателей?

– Не знаю, как там у других писателей, – пожала плечиками гламурная киса, – но Снежана не нуждается в привлечении внимания толпы, она ведь пишет безумно модные книги, которые и так разлетаются, словно горячие пирожки.

– Но зачем тогда презентация?

– Варвара Николаевна, вы меня отвлекаете своим вопросами!

– Извините.

– Ладно, проехали. На презентации у Гробски собирается вся Рублевка, о которой она пишет, там можно подцепить крутого чела, не хуже, чем у Линды. – Я понимающе поки-

вала. – В общем, достала я пригласительный, заплатить пришлось, конечно, нехилые бабки, но оно того стоило. Представляете, мне удалось познакомиться с самим Гизмо Кульчицким! – Карина замолчала, ожидая, видимо, восхищенного «Вау!».

Но дождалась вежливого, буквально выдавленного сквозь едва сдерживаемый смех (это же надо – Гизмо! Уткоробот из диснеевских «Утиных историй» или магвай из «Гремлиннов?»).

– С кем, простите?

– Как?! – искреннее изумление в глазах. – Вы не знаете Гизмо Кульчицкого?!

– Увы мне.

– Что?

– Неважно, продолжайте.

– Чтобы вы знали, Гизмо Кульчицкий – сын мыльного олигарха, владельца европейского бренда «Аврора» Венцеслава Кульчицкого. – Батюшки, тот самый хозяин поместья и крепостных, наш сосед! – Красавец, каких поискать, и до сих пор не женат.

– Плейбой? – По нашему, по-бразильски – кобель.

– Да. Кто только в его подружках не ходил – и актрисы, и модели, и телеведущие – но ни с кем он долго не тусил. А я хочу зацепить его всерьез, поэтому мне и нужна ваша помощь.

– Да каким образом? Если вам нужен совет – всегда по-

жалуйста, для этого мы с вами и встречаемся.

– И совет тоже, а еще – рекомендации, как правильно себя с ним вести, что говорить, что делать, причем с ходу, что называется.

– Простите? – удивленно приподняла бровь я.

– Ну... – досадливо поморщилась Карина. – Вы должны находиться неподалеку во время нашей следующей встречи, присмотреться к Гизмо, понять, что он за чел, чего ему надо, а потом выдать мне нужные рекомендации.

– И где же неподалеку я должна находиться? В кустах, что ли?

– Ну почему в «кустах», вы пойдете со мной на очередную тусовку, где будет Кульчицкий, там и разберетесь, что к чему.

– На какую еще тусовку?

– На крутую, туда тоже не попасть с улицы. В эту субботу состоится открытие нового концертного зала, туда приглашены все сливки общества, и эта дура Линда со своим олигархом должна быть. А меня пригласил Гизмо.

– Но меня-то никто не приглашал, а деньги за вход я платить не собираюсь.

– Не волнуйтесь, я все заранее обдумала. Гизмо проведет нас обеих. У вас, кстати, платье вечернее есть? – снисходительно улыбнулась девица.

– Найдется.

– Тогда встречаемся в субботу, в восемь вечера, возле вхо-

да в новый концертный зал «Престиж». Если вдруг в толпе потеряемся, вот, возьмите, это номер моего мобильного, — она протянула мне золотистую карточку. — Позвоните, и мы найдем друг друга.

— Но...

— Не волнуйтесь, ваша работа будет оплачена по двойному тарифу.

— Ну что же, давайте попробуем.

— Вот и отличненько. А пока я вам расскажу поподробнее про Гизмо. Его полное имя — Сигизмунд, дурацкое, правда? Но его папашка буквально повернут на традициях своего рода, и...

Значит, Линда со СВОИМ олигархом будет?

Ну-ну.

ГЛАВА 10

Елки-палки, как же давно я не расчехляла свою косметичку! Постойте... это что, больше года?! С того самого сволочного корпоратива, после которого моя налаженная жизнь получила мощного пенделя и кубарем покатилась под откос?

Точно. Тот неконтролируемый всплеск бабства, когда мне захотелось показать, кто в серпентарии главная кобра, обошелся мне слишком дорого, и я забросила свою косметичку в самый дальний угол шкафа.

А потом завертелась-закрутилась вся эта карусель с фото призрака, и краситься мне было некогда. Да и незачем, не до того было.

Минуточку! Так у меня весь декор протух! Срок годности давно прошел или подобрался к самой грани бытия.

А значит – срочно в солидный магазин, торгующий дамским оружием. И духи заодно, соответствующие моменту, купить надо, а то у меня сейчас в наличии только легкий, свежий аромат, наиболее приемлемый для деловой женщины, тем более специалиста-душеведа.

В общем, к субботе необходимый арсенал был собран. И мои сборы на обычную светскую тусовку весьма напоминали подготовку Арнольда Шварценеггера к спасательной операции в фильме «Коммандо». Та же решительность во взоре, тот же неспешный подбор оружия, и даже боевая раскраска,

как завершающий этап.

И результат получился не менее впечатляющий. Нет, из зеркала на меня вовсе не сурово пялился здоровенный качок с жуткими полосками на физиономии, с головы до ног увешанный всяким там базуками и гранатами.

Там отражалась изящная (маленькое черное платье – великая вещь, если оно правильно подобрано) красотка с длинными стройными ногами (хорошие туфли на высоких каблуках – не менее великая вещь, особенно когда размер ступни не выползает за рамки тридцать седьмого). Точеные черты лица, полные чувственные губы, роскошная грива выющихся пепельных (оттеночный шампунь) волос, таинственно мерцающие (благодаря макияжу «смоки-айс») светло-серые глаза – м-да, Варька, давненько ты не приводила себя в порядок, даже сама слегка обалдела от собственного вида.

Так, теперь последний мазок художника – изысканный комплект из настоящего, выловленного со дна моря, жемчуга, подаренный мне братом – и можно идти.

Теперь мерцали не только глаза, им вторили колье, серьги и кольцо. Да часики Олежкины смотрелись вполне гармонично.

Все, я готова. Осталось только найти ключи от машины.

Ох ты, чуть не забыла! Во время беседы с Кариной как-то не сообразила, а потом слишком увлеклась пополнением боевого арсенала. Надеюсь, у мадемуазель Сиволаповой-Эшли хватит соображения не говорить своему уткороботу, с кем

она придет на вечеринку.

Но контрольный выстрел... что это я – звонок, конечно, сделать надо.

Я покопалась в сумочке, нашла визитку Карины и набрала номер. Один гудок, второй, третий... она что, заснула, что ли? Или телефон куда-то забросила?

– Ну кто еще там? – раздраженно твякнул капризный голосок.

– Добрый день, Карина. – Не буду становиться рядом с девицей на одну доску хамства, уж очень ненадежная она, в любой момент проломиться может, и тогда из болота, переполненного хабалками, выбраться будет сложно. – Это Варвара Николаевна.

– И чего звоните? Договорились же у входа встретиться. Отвлекаете только!

Я, конечно, очень хочу увидеть Мартина, но не настолько, чтобы в течение вечера терпеть подобный тон.

– Так, милочка, – у меня в запасе достаточно льда и металла, чтобы голос приобрел соответствующие оттенки, – вы, кажется, забываетесь.

– С памятью у меня все в порядке, и с головой тоже, – хмыкнула Сиволапова. – Не то что у некоторых.

– В таком случае справляйтесь со своим Гизмо самостоятельно, я вам не помощница, – хрустнула голосом я и нажала кнопку отбоя.

Буквально через секунду телефон заголосил. Сначала воз-

мушенно, потом удивленно, и в конце концов – просительно. Вот теперь можно ответить:

– Да, слушаю.

– Варвара Николаевна, что случилось? – Во-о-от, в голосе уже ни капли фанаберии. – Почему вы вдруг передумали? Мы же вроде обо всем договорились, и плачу я вам по двойному тарифу.

– Я не настолько бедствую, милочка, чтобы терпеть ваше хамство даже за двойной тариф. Клиентов у меня более чем достаточно, и я согласилась помочь вам вовсе не ради денег.

– А ради чего еще?

– Ради опыта. Мне показалось интересным поработать в полевых, так сказать, условиях.

– Ну каких же полевых, Варвара Николаевна, я ведь вам говорила – мы идем на открытие нового концертного зала, а он вовсе не в поле открывается, а в Марвихе.

М-да.

– Это оборот речи такой. Впрочем, неважно. Мне это больше не интересно.

– Но... Как же это?! Я по тройному тарифу заплачу!

– Карина, вы, я вижу, так ничего и не поняли. Всего доброго. И поищите себе другого психолога, я отказываюсь с вами работать.

– Ну Варварочка Николаевна, ну миленькая! – О, лебезим потихоньку. – Ну пожалуйста, не бросайте меня! Я все поняла, извините! Я буду делать все, что вы скажете, честно!

Мне очень нужна ваша помощь, иначе Гизмо соскочит, как и со всеми остальными! Вы ведь не просто так мне позвонили, что-то хотели сказать, да?

– Совершенно верно, хотела.

– Так говорите, я очень внимательно вас слушаю!

– Ну хорошо. Только учтите, сударыня, еще хотя бы раз вы позволите себе заговорить со мной тоном хозяйки...

– Все-все, Варварочка Николаевна, больше никогда, клянусь!

– Посмотрим. А позвонила я вам вот по какому поводу. Насколько я поняла, вы идете на мероприятие с Кульчицким?

– Да.

– Но мы так и не обсудили с вами наше поведение на ту-совке.

– В смысле?

– В прямом. Вы представите меня своему спутнику или мы будем делать вид, что незнакомы?

– А как лучше?

– Лучше? Делать вид, что незнакомы.

– Но почему? Мне кажется, что рядом с Гизмо вы быстрее поймете, что ему надо.

Ага, пойму. Потому что этот твой Гизмо вполне может переключиться на меня, а мне оно надо? Ты ведь привыкла видеть меня серым контуром женщины и не чувствуешь во мне соперницу.

– Поверьте, Карина, нам с вашим кавалером не стоит знакомиться. К тому же вы хотели, чтобы я понаблюдала за Кульчицким со стороны, вот я и понаблюдаю. А рядом – это не со стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.